

HEKPOMAHC

OPUS 1

HEKPOMAHC

OPUS 2

Евгения Сафонова

НЕКРОМАНС

Ориг 1

МОСКВА
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Иллюстрация на обложке и внутренние иллюстрации
Полины Dr. Graf

Дизайн обложки *Юлии Девятовой*

Сафонова, Евгения Сергеевна.
С21 Некроманс. Opus 1 / Евгения Сафонова. — Москва : Эксмо, 2022. — 480 с.: ил.

ISBN 978-5-04-168484-6

Тёмная королева, которая правит железной рукой. Чудовище, что угрожает всем живым. Герой, которому суждено победить их.

Многие сказки — об этом. Но что делать, если ты угодила в злую сказку, где тебе уготовано умереть на первых страницах?

Виолончелистке Еве напророчено стать героем, но она погибает, не успев свершить предначертанное. Только вот у одного некроманта на неё свои планы. А некромантам не может помешать такая мелочь, как смерть.

Втянутая в смертельный заговор, существуя на грани между жизнью и небытием, сможет ли Ева обрести счастье? И можно ли обмануть судьбу, которая сулит, что цена победы — её гибель?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-168484-6

© Сафонова Е.С., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

*Всем, кто творит и грезит о вершинах,
всем, кто потерян,
всем, чья душа звучит,
всем, кто когда-нибудь сомневался,
что вы и то, что вы делаете, нужно и важно,
всем, кто боится смерти,
и всем читателям, которые были
и будут с моими ребятами до конца.*

** * **

*Спасибо Марии Курилкиной-Вениковой,
Татьяне Казунке и Светлане Песеи
за вдохновение и поддержку.
Спасибо Вячеславу Бакулину,
Кире Фроловой, Юле Яковлевой,
Ане Петелиной, Ите Куралесиной
и Полине Граф – прекрасной команде,
без которой этой книги не было бы.
И спасибо моему мужу, который всегда терпеливо
ждёт, когда я поставлю точку в новой книге.*

Opus — *лат.* opus, «произведение».
Обозначение порядкового номера
данного сочинения в списке
(чаще всего хронологическом)
произведений данного автора.

ПЕРЕФРАЗИРУЯ СЛОВАРИ

Музыка – самый сильный вид магии.

МЭРИЛИН МЭНСОН

Глава 1

FUNEBRE¹

Новая жизнь Евы Нельской – хотя назвать это жизнью, как она вскоре убедилась, было бы не совсем корректно – началась с того, что она открыла глаза на алтаре.

Впрочем, Ева считала, что её историю стоило бы начать немного раньше. С того, как её безжизненное тело впервые возникло на жизненном пути некоего молодого человека.

А по-хорошему, ещё немножко раньше: когда около трёх часов пополудни Ева спешила домой, возвращаясь из колледжа, но вместо этого при весьма досадных обстоятельствах очутилась в сумрачном лесу. Да к тому же в другом мире.

По законам жанра ей положено было бы эффектно провалиться в кроличью нору или волшебное зеркало, но портал в сказочную страну оказался до обидного незаметным. Только что Ева падала по-

¹ Траурно, похоронно (музыкальный термин).

ГЛАВА 1

среди наземного перехода у Пушкинской площади, в самом центре Москвы — вокруг шумел мегаполис, гудели машины и в ужасе кричали прохожие. В следующую секунду шум, гудки и крики стихли резко, словно их выключили.

Учитывая, что предшествовало этой секунде, Ева ждала болезненного и фатального удара об асфальт, но вместо этого она упала лицом вниз в прелую листву: после автомобильного выхлопа её влажный запах казался сладким.

Отплевавшись от листьев, девушка села и посмотрела перед собой.

С перехода она могла бы увидеть театр «Россия» и сквер на площади, скрывший памятник великому поэту; в Москве стоял погожий апрель, приодевший деревья в нежный лиственный пушок. Вместо этого Ева увидела лес — осенний, холодный, с узловатыми голыми ветвями — и темень, которая едва ли могла воцариться в три часа пополудни.

Если это и памятник Пушкину, то разве что нерукотворный, сперва только и смогла подумать Ева.

Серые стволы деревьев слегка светились во тьме. Потом она поняла — светятся не стволы, а проросший на них фиолетовый мох: он фосфоресцировал, как тропический прибор.

От удивления — а может, от шока — Ева даже не вспомнила о виолончели в футляре за спиной, хоть футляр и мешал ей выпрямиться. А ведь инструмент вряд ли мог не пострадать при досадных обстоятельствах, сопровождавших перемещение её хозяйки в лес. Ева и сама пострадала, но происходящее заставило забыть о ссадинах и ноющих ногах.

Мысль о сне или бреде она отмела моментально: промозглый холод, без труда проникший под лёгкую вельветовую куртку, был слишком убедительно промозглым. Гипотеза о загробном мире тоже выгляде-

F U N E B R E

ла сомнительно, пусть и напрашивалась: при всём уважении к Данте в его концепцию мироздания Ева категорически не верила.

Поскольку все свободные поверхности в квартире Евы оккупировало огромное количество книг, во многих из которых герои попадали в волшебную страну, она решила не следовать примеру большинства героев и, пропустив стадию отрицания, перескочить на стадию принятия.

Она в волшебной стране. В другом мире. Раз так, впереди её ждёт нечто удивительное: будь то курящие синие гусеницы, местный тёмный властелин или гостеприимные люди в тюрбанах (с чашечкой чудесного напитка, который дома Ева безуспешно мешала из чая, кофе и шоколада). И конечно, по законам жанра Ева сыграет в судьбе этого мира некую важную роль. Возможно, ей суждена встреча с местным прекрасным принцем, но лучше сольное спасение мира от сил зла: не зря же феминистические тенденции пользовались у сказочных героинь всё большим успехом.

Не стоит ожидать, что путь её будет устлан розами. Даже если будет, не стоит забывать, что к розам обычно прилагаются шипы. Стало быть, сперва надо осторожно разведать, что это за лес и не граничит ли он с обителью того самого тёмного властелина: обидно будет попасть в лапы его прислужников, не успев даже как следует оглядеться. К тому же пока Ева не встретила ни одного из верных друзей, которыми наверняка здесь обзаведётся, а без верных друзей разобраться с силами зла будет проблемати...

...эти размышления заняли у Евы не больше двадцати секунд. Тех двадцати секунд, которые длилось её спокойное пребывание в этом мире, исполненное надежд, энтузиазма и веры в светлое будущее.

ГЛАВА 1

Тех двадцати секунд, что миновали до мгновения, когда она поднялась с земли и обернулась.

В следующий миг её разогнавшуюся фантазию самым бесцеремонным образом оборвал арбалетный болт.

Боли Ева не почувствовала. Не успела. Просто увидела женщину в чёрном плаще, сжимавшую в руках арбалет. Он сиял, словно сотканный из ржавого огня. В воздухе мелькнул сверкающий росчерк, и что-то толкнуло Еву примерно там, где билось сердце.

Влажная листва устремилась ей навстречу.

Позже Ева сообразила: наверняка её держали на прицеле все двадцать секунд, но убийца целилась сзади, а виолончельный футляр надёжно прикрывал Еве спину и голову. А может, дело не в футляре — просто кошке забавно было дать мышке подышать перед смертью.

Простительная слабость. Учитывая, что результата охоты это не изменило.

Когда Ева кое-как подняла голову, женщина стояла над ней: темноволосая, с бледным узким лицом, подсвеченным пламенными сполохами арбалета. Если б острие следующего болта — огненного, как и арбалет, — не было устремлено Еве в лоб, она бы подумала, что незнакомка красива.

Ей оказалось немножко не до того.

— Подожд... — начала Ева.

Женщина, не сказав ни слова, нажала на спусковой крючок.

На этом месте истории Евы суждено было бы бесславно закончиться. Вопреки всем законам жанра. Потому что догадки Евы касательно её Избранности были очень близки к истине, а Избранным не положено умирать в самом начале сказки. Особенно

F U N E B R E

от рук главного злодея, не поддавшегося роковому искушению всех злодеев — перед убийством своего визави позлорадствовать и поболтать.

Как говорят англичане, желая смягчить данным эвфемизмом нецензурное, но очень меткое выражение, «*it happens*».

Однако, как уже было сказано, безжизненное тело Евы возникло на жизненном пути некоего молодого человека (учитывая, что жизненный путь Евы к тому моменту оборвался, выразиться «их пути пересеклись» было бы несколько некорректно). А молодой человек был очень заинтересован в том, чтобы её история продолжилась.

Именно поэтому часом позже Ева открыла глаза на алтаре.

Пробуждение чем-то напоминало побудку после вечеринок, которыми струнники их курса ознаменовывали окончание сессии. Разве что головная боль вкупе с тошнотой отсутствовала, а так — полный комплект: дезориентация, некая вялость в теле и полнейшее непонимание того, кто ты, где ты и как тут оказалась.

Некоторое время Ева смотрела в потолок, надеясь, что занятная готическая лепнина подскажет ей ответы на эти непростые вопросы. Не дождавшись, повернула голову — и встретила взгляд того, кому отныне была обязана не-жизнью.

— С восставанием, — сказал Гербеуэрт тир Рейоль: потомственный некромант, самый юный магистр за всю историю Керфианского Колдовского Ковена и обладатель весьма занятного генеалогического древа.

Конечно, в тот момент Ева не знала ни его имени, ни степени, ни рода занятий. Просто увидела белобрысого молодого человека в странном наряде, напомнившем то ли об аниме-фестивалях, то ли

ГЛАВА 1

о сходках ролевиков: длинная рубашка с рюшами, перепоясанная на талии кожаным ремнём, чёрные штаны и порядком замызганные туфли.

— Как себя чувствуешь? — спросил он.

Некоторое время Ева созерцала, как вокруг его правой руки, паря в воздухе, сам собой наматывает круги марлевый бинт. Спустя пару секунд к бинту подлетели старинные ножницы с затейливыми завитушками на ручках — они аккуратно обрезают широкую ленту, тут же завязавшуюся бантом.

Следом Ева оглядела помещение, где оказалась: библиотека старинного замка, посреди коей водрузили большой чёрный камень, на котором девушка и покоилась.

Как ни странно, Ева не слишком удивилась. Все чувства казались словно приглушёнными, что она тоже отметила с отстранённостью естествоиспытателя.

— Как тебя зовут? — не дождавшись ответа, вновь спросил белобрысый.

Называть его «белобрысым» было не совсем верно: длинная, до плеч, шевелюра молодого человека щеголяла изысканным оттенком бледного золота. Но так Еве легче было его идентифицировать.

К ней урывками стали приходить ответы, которые минутой ранее она тщетно надеялась выведать у потолка.

Точно. Она — Ева Нельская. Семнадцать лет, виолончелистка, студентка третьего курса небезызвестного московского музыкального колледжа. И никакой попойки не было — до летней сессии ещё месяц с лишним. Были возвращение домой с пар и привычная дорога до метро, но до метро Ева не дошла, потому что...

Потому что...

— Если не можешь вспомнить, — неведомым образом угадав её мысли, сказал белобрысый, — это

F U N E B R E

нормально. Я заживил раны, но при столь серьёзной травме головы полное восстановление может быть невозможным. К тому же твой мозг уже начал умирать, когда я остановил процесс. Частичная потеря памяти в твоём состоянии была бы естественным явлением.

К его ногам принялся ластиться откуда-то взявшийся белый кот. Без хвоста. И вместо того чтобы думать о прозвучавших словах (или хотя бы о том, как бинт может летать), Ева просто смотрела, как кот трогательно бодается о щиколотки белобрысого. Это было проще: кот — он и в другом мире кот.

...точно. После наземного перехода был лес. Другой мир.

Женщина с огненным арбалетом.

Воспоминание заставило Еву сесть; тело подчинялось неохотно, будто чужое, однако в конце концов она всё же с ним поладила. Машинально коснулась лба там, куда вонзилась огненная стрела, а теперь не осталось даже шрама.

Стало быть, в этом мире есть маги. Белобрысый — один из них, о чём свидетельствуют оживший бинт и левитирующие ножницы. И вполне естественно, что маги умеют не только гостеприимно встречать иномирных гостей огненными стрелами, но и устранять последствия этого.

Размышления о том, с чего она удостоилась столь тёплой встречи, Ева решила оставить на потом.

— Я... мне в голову... ты меня спас?

Разлепить губы тоже удалось не без труда. Вопросы вышли не слишком вежливыми — особенно в свете того, что она так и не удостоила собеседника ответами, — но в данный момент на большее Еву не хватило.

Молодой человек улыбнулся:

— С технической точки зрения — нет.

ГЛАВА 1

Эта улыбка была немножко, самую капельку неприятной. И хотя до того Ева не видела в лице напротив ни намёка на беспокойство, ей показалось, что при звуке её голоса в его глазах — голубых и колючих, как льдинки, — мелькнуло облегчение.

— Но... Ты сказал, что заживил мои раны, и... Это ты принёс меня сюда?

Еве не давало покоя ощущение некоей неправильности. Она чувствовала себя очень, очень странно. Чего-то остро не хватало, но чего, понять она не могла. Даже то, как она говорила... Казалось, она забывает о какой-то важной детали, о которой раньше просто не задумывалась.

— Я не мог поднять тебя на месте. Чары, вернувшие тебя, весьма специфические, все необходимые процедуры я мог провести только здесь. К тому же для ювелирной работы алтарь лучше. Одна ошибка, и ты встала бы банальным умертвием, — буднично пояснил белобрысый. — Я заживил твои раны — пока тело не остыло, это элементарно. Попытался тебя оживить. Когда понял, что уже поздно, погрузил в стазис, чтобы предотвратить смерть мозга, и перенёс сюда. Обмыл, провёл прочие подготовительные ритуалы. И потом уже спокойно поднял.

С восприятием слова «стазис» у Евы возникли некоторые сложности. Услышала она нечто совсем другое, но сознание само собой переправило услышанное на знакомый термин. Мельком скользнула мысль о том, что в ином мире и язык должен быть иной, и без помощи магии они с белобрысым вряд ли смогли бы спокойно общаться; однако сейчас ей подкинули куда более интересную информацию к размышлению.

— Поднял?

— А, вот мы и подошли к самому интересному. — Молодой человек лениво нагнул, чтобы потреть

F U N E B R E

кота по голове. — Видишь ли, если ты ещё не заметила, ты не совсем жива.

...в этот миг Ева наконец поняла, чего ей не хватает. Дыхания. И запахов, обычно дорисовывавших картину мира. Она не дышала, пока не начинала говорить: лишь тогда на автомате хватала губами воздух, чтобы тот колебал голосовые связки.

Реакция, о которой она никогда даже не задумывалась. До сего момента.

— Я... мертва?

— Тоже не совсем. Если ты и этого не заметила, — иронично добавил белобрысый. — Ты находишься в том состоянии, которое позволит ограниченным умам наречь тебя «неуспокоённой».

Как ни странно, на этом месте Ева не впала в истерику. Лишь накрыла пальцами правой руки запястье левой, пытаясь прощупать пульс. Когда попытка не увенчалась успехом, уставилась на свои ладони, заботливо отмытые кем-то от лесной грязи.

Опустила взгляд на грудь, встретившую другую стрелу.

Вместо джинсового сарафана на ней красовалась такая же рубашка с рюшами, как у её собеседника. Кеды, колготки и нижнее бельё испарились — вместе с курткой и любимой футболкой; хорошо хоть рубашка, расстёгнутая до живота, доставала почти до колен. От раны напротив сердца не осталось и следа, зато новый наряд открывал крупный рубин в каплевидной оправе, слегка мерцавший в ложбинке. Наверное, Еве даже понравилось бы подобное украшение... если б камень висел на цепочке.

Рубин сиял прямо в коже. Вживлённый в неё, словно реактор в груди небезызвестного филантропа в летающем костюме.

— Он удерживает твоё тело от разложения, — любезно подсказал белобрысый, пока Ева смотрела

ГЛАВА 1

на рубин. Белая кожа плотно льнула к серебряной оправе, испещрённой рунами; внутри камня клубился и пульсировал зловещий багряный свет. — А ещё упрощает процесс передачи энергии.

Ева подняла непонимающий взгляд.

— Даже умертвия не могут обходиться без внешней подпитки. Ты — тем более. При жизни ты расходовала энергию, чтобы переваривать пищу и обогреть тело. Чтобы дышать, гонять кровь и заставлять сердце биться. Смерть избавила тебя от всей этой рутины, однако мозг продолжает потреблять твои физические силы. Меньше, чем обычно, ведь теперь ему не надо поддерживать жизнедеятельность организма, но тем не менее. — Молодой человек отстранённо наглаживал кота, трущегося у его ног. — Кроме того, ты будешь двигаться и говорить. Ты тратишь энергию каждый раз, когда моргаешь или открываешь рот. Поскольку теперь ты не сможешь возмещать расход энергии посредством пищи, ты будешь получать её от меня.

Кот блаженно жмурился, но даже не думал мурлыкать. Или делал это так тихо, что Ева не могла расслышать.

— То есть ты некромант, — на удивление спокойно резюмировала Ева. — А я теперь твой зомби-слуга.

Вот, опять. Вместо «зомби» она явно произнесла что-то другое. Как, собственно, и вместо «некроманта». И вместо всех остальных слов.

— Понятливая. Возможно, с тобой будет проще, чем я думал, — задумчиво заметил белобрысый. — Как я уже сказал, ты не совсем зомби. Их, видишь ли, легко распознать по безмозглости, гниющим конечностям и желанию закусить чужими внутренностями. Тебя от живых отличает лишь то, что твоё сердце не бьётся... и ещё несколько приятных особенностей.

F U N E B R E

Ева снова посмотрела на рубин, пульсировавший вместо неподвижного сердца.

— Что в *этом* может быть приятного?

— Например, тебе не грозят ни разложение, ни старение. Кажется, девушек может порадовать известие, что им не суждено одним прекрасным утром увидеть в зеркале морщины. — Некромант слегка пожал плечами. — Пока действуют чары, ты останешься такой, как сейчас. Если они перестанут действовать, тебя уже ничего не будет волновать.

Ева потерянно моргнула.

Она в другом мире, и её убили. Она не жива. С другой стороны, и не мертва. Она не разлагающийся зомби, не ссыхающийся лич, не банальная, отвратительная и неэстетичная нежить.

Следовательно...

— Так я что-то вроде вампира, которому не надо пить кровь?

— Понятия не имею, что такое вампир. — Ласково почесав кота под подбородком, некромант неторопливо, с аристократическим достоинством выпрямился. — Так ты помнишь своё имя?

На этом месте Еве положено было бы наконец заплакать. А лучше забиться в истерику. Но Ева всегда предпочитала мыслить позитивно — иначе её не слишком весёлая жизнь была бы ещё менее весёлой. Вот и сейчас: вместо того чтобы плакать и производить на своего спасителя самое неблагоприятное впечатление (что-то ей подсказывало, что плаксивости некромант не оценит), Ева честно постаралась взглянуть на ситуацию оптимистично. Пусть похорошему ситуация и была весьма плачевной.

Хотя, скорее всего, она просто не могла плакать, потому что пребывала в шоке — но потребности оценить обстоятельства и хоть как-то разобрать бардак в голове это не отменяло.

ГЛАВА 1

Она в другом мире. Как ни крути, о таком приключении мечтают многие. Ева тоже мечтала — с тех пор, как в нежном возрасте семи лет прочла про страну, куда можно попасть через волшебный шкаф. И если здесь есть магия, которая позволила ей восстать из мёртвых... вернее, не стать окончательно и бесповоротно мёртвой... наверняка найдётся и магия, которая позволит по-настоящему её оживить.

Раз разложение ей не грозит, особых проблем с воскрешением быть не должно. Насколько Ева могла судить, её тело пребывало в отличном состоянии: внешне от живого не отличишь, да и по ощущениям не особо. По каким бы причинам некромант её ни спас (Ева была не столь наивна, чтобы обманываться надеждами на альтруизм), на злодея он не походил. Парень, который любит котиков, просто не может быть таким уж плохим.

Значит, ничего страшного в сущности и не произошло, правда?..

— Ева, — мантрой твердя про себя последнюю мысль, дабы искренне в неё поверить, покорно озвучила она. — Где я? Как ты вообще меня нашёл? Просто гулял по лесу и наткнулся? С чего какая-то женщина с ходу решила меня застрелить? — И, оставив самый важный вопрос напоследок, сурово добавила: — И, надеюсь, моя виолончель тоже где-то тут?

Некромант, с каждым новым словом всё больше морщившийся, устало потёр пальцами переносицу.

— Какая ты шумная. — Тень, при движении залёгшая на его впалых щеках, ещё больше подчеркнула худобу длинного лица. — Я всё расскажу. Утром. Сейчас мне нужен отдых. — Он отвернулся. — Идём, отведу тебя в твою комнату.

— Мою комнату?

F U N E B R E

— А я только порадовался твоей понятливости. — Он утомлённо оглянулся через плечо. — Комнату, которую я тебе выделил, естественно.

Соскользнув с алтаря, Ева коснулась каменного пола босыми ногами. Ожидала, что камень будет ледяным, однако тот показался разве что слегка прохладным.

Секундой позже поняла: пол вполне может быть ледяным, но её ступни теперь немногим теплее.

Ева посмотрела на люстру — вместо свечей в ней ровным белым светом лучились длинные палочки полированного хрусталя. На деревянный столик неподалёку от алтаря — помимо уже знакомых ножниц и бинта, там на серебряном блюде лежали хирургические инструменты, иные из которых выпачкались в подозрительной алой субстанции.

Этот зловещий вид заставил Еву нервно поспешить за некромантом, уже выходящим из комнаты.

— Может, хотя бы представишься? — предложила она, босиком следуя за хозяином дома. Замковый коридор освещали те же хрустальные палочки в чугунных настенных подсвечниках; на улице было темно, и как бы старательно Ева ни косилась на высокие стрельчатые окна, разглядеть за ними что-либо она не могла. — Раз уж я буду жить у тебя... То есть не жить.

— Моё имя Гербеуэрт. И как ты сама сказала, я некромант. Остальное тебе знать пока ни к чему. — Её подвели к широкой каменной лестнице с резными перилами, разбегавшейся пролётами вверх и вниз. — И так есть над чем подумать.

Действительно. В данный момент Ева как раз думала, как будет выговаривать совершенно несносное для выговора имя и как можно его сократить. Уэрт? Герб? Герр?.. Пожалуй, пристало ситуации — особенно если вспомнить тип прислужника «Игорь», поль-

ГЛАВА 1

зовавшийся среди злодеев большой популярностью; но пламенного желания величать некроманта «мафтер», отращивать горб и шепелявить с немецким акцентом Ева не испытывала.

— Можно звать тебя Гербертом? — осторожно спросила она, вслед за некромантом поднимаясь на верхний этаж; судя по количеству пролётов, просматривавшихся в квадратном лестничном колодце, этажей в его обители было не меньше пяти-шести.

— Мне всё равно.

— Нет, если я должна называть тебя «хозяином», я переживу, но будет немножко непривыч...

— Мне всё равно.

Последнее он повторил с нажимом и сквозь зубы, так что оставшиеся ступеньки Ева предпочла преодолеть молча. Злить гостеприимного хозяина в её планы не входило, а плебейские манеры девочки-подростка, возвращенной в эпоху мемов и инстаграма, и без того наверняка коробили его чувствительную аристократическую душу.

В том, что некромант аристократ, сомнений не оставалось. Может, Ева пребывала в плену стереотипов о фэнтезийных мирах с их условным средневековьем, но что-то подсказывало ей: в этом мире подобный замок не выйдет просто купить.

— Мы ведь не на русском говорим, верно? — на всякий случай уточнила Ева, когда они достигли верхнего этажа и некромант повёл её длинным коридором, пестревшим витражными стёклышками в частых оконных переплётах.

— Руйский?

Понятно. Не на русском.

— Язык, — обречённо пояснила Ева.

— А. — Светильники на стенах вспыхивали при их приближении и гасли за спиной. — Значит, так называется язык того мира, откуда ты явилась.

F U N E B R E

— Да, именн... подожди, так ты знаешь, что я из другого мира?

Ева не видела его лица, но ей почудилось, что некромант презрительно хмыкнул.

— Даже если не учитывать всю подноготную, об этом было бы нетрудно догадаться.

Ах да. Одежда и всё такое.

— Какую подноготную?

Тот промолчал, остановившись перед высокой дверью с цветочным орнаментом, под его взглядом распахнувшейся.

— Твоя комната, — отступив в сторону, коротко сказал некромант. — И твоя... вийолончель, как я понимаю.

Комната оказалась небольшой. Бóльшую её часть занимала кровать — конечно же, с балдахинем; конечно же, по стандартам замковых интерьеров присутствовал огромный камин. Кроме того, наличествовали окно с двумя створками и гардероб с резными дверцами — к нему прислонили знакомый футляр, обтянутый чёрным нейлоном.

Футляр заинтересовал Еву больше всего. Хотя бы потому, что о его судьбе она немало беспокоилась.

— Оденься, — сухо велел некромант, когда Ева прошла внутрь. На кровати и правда лежала одежда — чужая; от Евиного наряда остались лишь кеды, сиротливо пестревшие на полу розовыми шнурками. — Вряд ли тебе захочется спать, но убедительно прошу тебя никуда не выходить. Я пришлю за тобой утром.

Поколебавшись, Ева всё же обернулась, чтобы встретить его пронизывающий взгляд.

— Герберт, зачем ты меня спас? И с чего теперь проявляешь гостеприимство? Не пойми неправильно, я очень тебе благодарна, но вряд ли ты делаешь это по доброте душевной. Не обижайся, просто...

ГЛАВА 1

некроманты редко бывают добрыми. В моём представлении.

— Утром. — Он отвернулся. Не оглядываясь, бросил через плечо: — У тебя были ссадины на ногах. И на голове. И лёгкое сотрясение мозга. Вдруг может освежить память.

Ева смотрела в его спину, пока за ним не закрылась дверь. Приблизилась к футляру.

Ещё не коснувшись чёрной крышки, вспомнила, почему всё-таки не дошла до метро.

Машина. Машина, которую Ева не заметила, перебегая дорогу. Последнее, что она помнила, прежде чем очутилась в лесу, — как бампер подсекает ей ноги, заставляя закатиться на капот... А следом — удар по затылку и жуткий треск.

Положив футляр на жёсткий светлый ковёр, Ева опустила на колени. Взялась за застёжку молнии, почему-то медля.

Значит, она должна была умереть ещё в своём мире? Или всё-таки умерла? Кажется, машина успела притормозить — ей было не слишком больно. Или боль приглушил шок?.. Получается, она ударилась о лобовое стекло... вернее, должна была удариться. Да только между стеклом и её затылком, между капотом и её телом оказался футляр.

Её Дерозе — детище французского мастера Николя Дерозе, издавшее первый звук ещё в начале XIX века, — принял удар на себя. Удар, который должен был достаться ей.

Ева потянула застёжки в стороны, ощущая волнение куда большее, чем почувствовала при известии о собственной смерти.

У Дерозе хороший футляр. Немецкий, лёгкий, прочный. Дорогой: дешёвые были тяжёлыми, а ежедневно таскать за спиной десять килограмм Еве не хотелось. В своё время они с родителями решили,

F U N E B R E

что носить такую виолончель в мягком чехле чревата — ремонт трещин и прочих радостей для подобного инструмента обошёлся бы не в копейки. И до сего дня футляр надёжно защищал своего обитателя.

Правда, до сего дня Ева не попадала под машину.

Она взялась за крышку, понимая, что боится её открыть. Воспоминание о родителях вдруг заставило её отчётливо понять, где она, как далеко от дома, и впервые за вечер Еве сделалось по-настоящему страшно. А может, тоскливо. Она сама пока не понимала.

Наверняка Дерозе целёхонек. По неосторожности футляр и толкали, и роняли, но инструмент не получал ни трещин, ни царапин. И сейчас всё должно быть в порядке.

Должно быть, должно...

Ева подняла крышку.

На красной бархатной обивке покоилась груда деревянных обломков.

Глава 2

CANTUS FIRMUS¹

Ту часть ночи, что Ева не провела в плаче и прострации, она провела, нарушая прямую просьбу некроманта. А именно — исследуя замок.

Плакала Ева долго. С момента, как увидела разбитого Дерозе. Верхняя дека и бока почти полностью превратились в длинные тонкие щепки. Подставка сиротливо валялась посреди руин, накладка грифа раскололась. Более-менее уцелела шейка (её надёжно закреплял ремешок на липучке), но и та потрескалась. Лишь изящный завиток головки, покоившейся на подушечке, остался нетронутым и доверчиво тянулся к пальцам; когда Ева взяла его в руки — осторожно, будто прикасаясь к смертельной ране, — то увидела, как безвольно висит на струнах подгрифик. Струны не порвались, но свисали беспомощно, точно прядь серебряных волос.

От зрелища обломков навалилось запоздалое осознание — всего. Что произошло. Кто она теперь.

¹ *Букв.* «прочный напев»: ведущая мелодия, часто заимствованная, которая составляет основу полифонической композиции (*муз.*).

CANTUS FIRMUS

И, как ребёнка обняв то, что осталось от грифа, Ева заплакала. Небьющееся сердце скручивало страхом и одиночеством, в уме крутилось нечто пафосное, что Дерозе разбился совсем как её жизнь, что Дерозе спас её, но его жертва была напрасной...

Потом, спустя вечность холодной, мучительно безлюдной тишины, разбиваемой только всхлипами, безнадежно вымочив ворот рубашки, Ева бережно протёрла головку и колки от слёз. Уложив гриф обратно в футляр, закрыла тот до лучших времён.

Развела сырость... Она бы ещё лужу слёз наплакала, взяв пример с девочки, вместо флегматичного некроманта всё-таки встретившей курящую гусеницу (впрочем, флегматичностью некромант эту самую гусеницу Еве весьма напоминал; если он вдруг курит, сходство и вовсе будет поразительным). Она же в мире, где есть магия, а магия решает все проблемы! Не может у них тут не быть заклятий, которые воскрешают мертвецов и восстанавливают предметы. Значит, магия и Еву вернёт к жизни, и виолончель поможет отремонтировать.

Хотя вернее будет сказать «собрать»...

Вытерев щёки, Ева проверила то, что лежало во внешнем кармане футляра: кроме нот и тетрадки по гармонии, ожидаемо не пострадавших, в тот день она засунула туда планшет-трансформер.

Как ни странно, тот уцелел и даже работал. По экрану пролегла трещина, но в остальном всё было в порядке. Портативная зарядка и провода для гаджетов, судя по всему, тоже хорошо себя чувствовали, но планшет Ева всё равно выключила, чтобы не разряжался (помимо конспектов, там хранились фотографии, книги и любимые аниме, и пусть сейчас Еве было не до книг, позже ей наверняка придётся чем-то скрашивать своё существование). Карандаши в маленьком мягком пенальчике с Тоторо

ГЛАВА 2

сломались, но там же лежала целёхонькая точилка, так что — невелика беда. Смартфон Ева носила в кармане сарафана; оставалось надеяться, что сейчас тот лежит где-то у некроманта, а не выброшен вместе с одеждой.

Полами рубашки промокнув щёки, на которых в процессе ревизии снова как-то незаметно пролегли влажные дорожки, Ева наконец застегнула пуговицы до самого горла. Помимо рубашки ей пожертвовали носки, затягивавшиеся хлопковыми шнурками на щиколотке, и бархатные штаны; одежда оказалась великовата, нижнее бельё отсутствовало, но ремень решил проблему с размером штанов, а Ева была благодарна и за это. Раз в её одежде теперь красуется выжженная дыра, на первое время этот наряд вполне сгодится.

Спать действительно не хотелось — если зомби... да, она не совсем зомби, но так проще... и страдали от сонливости, то разве что от хронической. И хотя порядочным зомби-слугам не полагалось нарушать прямые просьбы господина, Ева сунула ноги в кеды и побрела к двери, чтобы осмотреться в новой обители.

Коротать время до утра в четырёх стенах, мыслями постоянно возвращаясь к случившемуся, она бы всё равно не смогла.

Не сказать, что перспектива быть зомби-служгой Еву устраивала. На веки вечные — точно нет. Однако без некроманта она бы сейчас потихоньку загнивала в лесу, и послужить ему до настоящего воскрешения считала вполне приемлемой ценой за спасение. Только вот чего от неё хотят?.. Если Герберт велит ей драить горшки, Ева очень постарается не разбить все горшки в замке, пытаясь обучиться этому искусству. Хотя бы ночевать в золе не придётся — не только потому, что ей отвели комфортабельную

CANTUS FIRMUS

спальню: зомби ведь нет нужды согреться у камина...

Размышляя об этом, Ева скиталась по запутанным коридорам замка. Окружение напоминало странную помесь готики и рококо — сдержанность серо-бежевых тонов разбавлялась красочностью витражей, потолок покрывали ажурные орнаменты, стрельчатые арки перетекали в изящные пилястры с кокетливыми завитками.

Коленопреклонённый скелет в платье, намывавший каменный пол за очередным поворотом, вписался в интерьер как нельзя лучше.

Скелет был человеческий, беленький, чистенький и самый обычный, не считая длинного серого платья, похожего на наряд викторианской горничной, и внезапную подвижность. Вылитое наглядное пособие из кабинета биологии, вздумавшее принарядиться. На Еву он не обратил ни малейшего внимания — девушка отпрянула было за угол, но быстро оправилась от испуга. Издали понаблюдала, как скелет неуклонно продвигается вперёд, побрякивая костяными ступнями о камень и передвигая жестяное ведро с водой.

Когда Ева, осмелев, осторожно приблизилась, скелет моментально отполз к стене. Даже череп не поднял. Он не двигался, пока Ева не ушла с дороги, — а когда ушла, тут же вернулся на прежнее место, продолжив прерванное занятие. Видимо, его запрограммировали выполнять одно-единственное действие, при этом не мешая обитателям замка.

Скелеты-горничные, без особого удивления думала Ева, спускаясь на нижний этаж. *Чего ещё ожидать от некроманта*. Ясно теперь, почему её сочли «шумной»: похоже, новый знакомый жил в полном одиночестве, а скелеты не отличаются говорливостью...

ГЛАВА 2

Мысли неуклонно возвращались к горестям на повестке дня.

Интересно, как она вернётся домой? Нет, в том, что она *может* вернуться домой, Ева не сомневалась. Нисколько. Вопрос в том, каким образом. Правда, пока она не оживёт... а в том, что она в конце концов оживёт, Ева тоже нисколько не сомневалась — иначе это вышла бы какая-то слишком неправильная и злая история... об этом и думать нечего. Ева и без того периодически думала, насколько родителей устраивает её скромная персона; немёртвая дочка, которая без магической подпитки наверняка обратится в очень даже мёртвую, их точно не обрадует.

Впрочем, до возвращения домой Ева была не прочь устроить себе недолгую экскурсию по иномирию. В конце концов, такая возможность представляется не каждый день, к тому же по некоторым причинам Ева была даже рада на время сбежать от привычной жизни. Заодно представится шанс отыскать ту женщину, из-за которой она теперь бродила по этому замку, и обеспечить ей наглядное знакомство с методами испанской инквизиции, включая аутодафе.

Замок Еве нравился, но она предпочла бы бродить по нему в более живом состоянии.

Спустившись вниз, Ева забрела на кухню. Случайно — она удерживалась от искушения заглядывать за двери, опасаясь того, что обитель некроманта может за ними скрывать. Но дверь на нижнем этаже оказалась приоткрыта, а сквозь щель виднелась лестница, ведущая в некое подвальное помещение.

Ева честно колебалась, однако искушение взяло верх над здравым смыслом.

Лестница вела в просторный зал. Стоило девушке спуститься, и под потолком вспыхнула магическая люстра. Свет ровной белизной лёг на огромную печь, длинный стол и красноречивую экспозицию

CANTUS FIRMUS

в виде кастрюль, поварёшек и прочей кухонной утвари, развешанной по стенам. Подле стола рядом выстроились пять скелетов в болотного цвета робах, бежевых фартуках и, подумать только, шапочках. Видимо, поварских. Они стояли неподвижно, точно ожидая, пока хозяин позвонит в колокольчик.

Удивляясь то ли педантичности некроманта, то ли его специфическим способам развлечения (похоже, кто-то в детстве не наигрался в куклы), Ева рискнула заглянуть за двери. За одной притаилась судомойня: каменные раковины, немногочисленная деревянная мебель и ещё три скелета: два в платьях, один (к ужасу Евы, похожий на детский) в холщовой рубаше и бриджах. Другая комната представляла собой холодильник, где между ледяными стенами висели на крюках освежёванные туши. Третья оказалась кладовой, и на полках ждала своего часа всяческая снедь: огромные головки сыра, золотистые хлебные буханки, копчёные окорока, пестрядь баночек с вареньями и соленьями...

Там-то Ева и обнаружила призрака.

Сперва она увидела просто мужчину лет сорока, облачённого в щегольской наряд — синие парчовые бриджи и бархатный сюртук поверх золотистой шёлковой рубашки. Он увлечённо считал колбасы, толстой грифельной палочкой записывая результаты инспекции в тетрадь с жёлтыми страницами. Заметив, что дверь открылась, обернулся — и тут же расплылся в широкой, белозубой, очень располагающей улыбке.

— О, это вы! — Захлопнув тетрадь в твёрдой кожаной обложке, незнакомец сунул её под мышку. Каштановые локоны, прихваченные сзади атласной лентой, вились искусными завитками; губы обрамляли подкрученные усы и аккуратный треугольник бородки. — Я так вас ждал!

ГЛАВА 2

Лишь тогда Ева заметила: лучи волшебных кристаллов, сиявших на дальней стене кладовой, слегка просвечивают сквозь него. И когда мужчина перехватил её руку, чтобы прижаться к ней губами, поняла: его пальцы не теплее её, а касания пусть и ощутимы, но напоминают прикосновение к невесомой и слегка колючей ткани вроде органзы.

— Очаровательно. Прелестно, — резюмировал призрак, оглядев Еву с головы до ног. Достал из внутреннего кармана сюртука длинную ленту с делениями, похожую на портновский сантиметр: видимо, тоже призрачную. — Позвольте мне незамедлительно снять мерки. Поутру сразу же отправлюсь в город, к портным. Как жаль, что я не мог заранее знать ваших форм! Такая красота нуждается в достойном обрамлении вместо этого... безобразия. — Морщась, он витиеватым жестом обвёл её наряд. — Что к лицу господину Уэрту, не подходит нежному созданию вроде вас. — Бесцеремонно развернув Еву за плечи, призрак слегка подтолкнул её к центру кухни. — Пойдёмте, пойдёмте, здесь слишком тесно!

— Вы ждали... меня? — обескураженно переспросила Ева, когда её принялись деловито и ловко обмерять сантиметром.

— Господин ещё месяц назад предупредил, что у нас будет гостя, — услужливо отрапортовал призрак, записывая цифры всё в ту же книжечку, уложенную на стол. — Как я рад! Не поймите неправильно, я обожаю господина Уэрта и предан ему всем своим существом, всей душой... собственно, ныне душа и есть всё моё существо... но он не особо разговорчив, да и со скелетами не перекинешься словечком. И тут вы! Точь-в-точь такая, какой я вас представлял, только ещё капельку прекраснее. Позвольте? — Он невозмутимо обвил лентой её грудь, замеряя объём; рубашка под призрачным сантиметром промялась

CANTUS FIRMUS

вполне убедительно. — В этих стенах так давно не звенел колокольчик девичьего голоса... Что поделаешь, господин такой нелюдимый. Правда, я ожидал, что вы будете немножко более живой. Уже запланировал перемены блюд для трапез на весь день, и какой бы вас ждал ужин, ах! — Призрак грустно оглянулся на открытую дверь кладовой. — Господин к пище равнодушен так же, как и к разговорам. Магия — единственная его страсть в последние годы, и я почти потерял надежду, что однажды вместо книг он снова изберёт объектом своей привязанности... нечто более одухотворённое. О, не подумайте, будто я на что-то намекал, нет, вовсе нет.

Всё же по поводу одиночества некроманта Ева немного ошиблась. Нет, похоже, из живых в замке и правда никого больше не было, но с таким словоохотливым призраком в прислужниках немудрено, что Герберт предпочитает общество скелетов.

— Вы меня представляли?..

— Жаль, что вы не сможете разделить его трапезу, — продолжал увлечённо убиваться призрак, добравшись лентой до бёдер. — Но, уверен, посидеть с ним за столом за завтраком не откажетесь... Ах, совсем забыл представиться! Как нелюбезно с моей стороны. Эльен, здешний дворецкий. К вашим услугам, милая лиоретта. Позвольте? — Закончив замечать длину её ног, он вытащил из-под стола небольшую скамью. Непринуждённо опустился на колени, чтобы расшнуровать Евины кеды. — Как ваше имя? Присядьте, прошу.

— Ева, — пробормотала она, опускаясь на скамью и чувствуя себя одним парнем на ледяной стене, который славился тем, что ничего не знал. — Почему лиоретта?..

— О, вы же явились издалека, — спохватился Эльен, стягивая с неё кеды и носки. — Пусть по вам

ГЛАВА 2

и не скажешь. Такой безупречный, чистейший керфианский выговор, поразительно! Впрочем, для носителя языка он и правда *слишком* безупречен. Прежде я такой слышал только у шпионов. Хотя под этой крышей говорили они недолго. — Подняв глаза, призрак вновь обезоруживающе улыбнулся. — Лиоретта — так в нашем королевстве обращаются к незамужним девушкам. Вы ведь не замужем, правда? — миг посерьёзнев, строго спросил он.

— Нет, конечно. Мне всего семнадцать, — добавила Ева, оправдываясь непонятно за что.

— Как я и думал. — Призрак удовлетворённо замерил её ступню. — Два с половиной. Любая придворная красавица позавидует таким ножкам, — сворачивая ленту, невзначай заметил он. Облачил её ноги в кеды так бережно, точно на них примеряли хрустальные туфельки. — Некоторые, правда, начнут морщить носики от того, что вы такая худышка, но на мой взгляд — а он, поверьте, *очень* притязательный, — вы просто идеал. Будь я на сотню лет живее и на двадцать моложе, вам пришлось бы каждый вечер наглухо запирать окна своей спальни. Иначе мои фальшивые любовные рулады не дали бы вам сомкнуть глаз, пока вы не согласились бы более не быть незамужней.

Ева невольно улыбнулась. С момента выхода из комнаты она вообще воспринимала происходящее на диво спокойно — даже для неё, не склонной к истерикам.

С другой стороны, в замке она не видела ничего такого, чего не встречала в книжках или фильмах, а расхожее выражение про пульс покойника появилось не на ровном месте.

— Вы ведь призрак, — сказала она утвердительно. — Совершенно верно.

Хотя скорее полтергейст, поправилась Ева про себя, учитывая взаимодействие с предметами.

CANTUS FIRMUS

— И вы дворецкий Герберта.

— Герберта? Как изобретательно вы его называете! — Восторженностью Эльена можно было поднять самооценку даже человеку, у которого она упала куда-то в Марианскую впадину. — Вам известно, чем занимается дворецкий?

— Смутно, — призналась Ева. Она и дома-то путалась в иерархии и обязанностях слуг, когда встречала в книжках всех этих мажордомов, камердинеров и лакеев, а что могло скрываться за этим словом в другом мире, понятия не имела. — Если честно, для начала я хотела бы узнать, где я, кто ваш хозяин и зачем я ему понадобилась.

Занеся последние цифры в свою книжечку, Эльен присел на скамью рядом с ней: вполоборота, небрежно и вальяжно облокотившись локтем на стол.

— Что именно он намерен с вами делать, я и сам не знаю. Честно. — Оглядевшись вокруг, точно опасаясь, что их может подслушать кто-то, помимо безучастных скелетов, призрак заговорщицки понизил голос: — Знаю только, что здесь замешано некое пророчество.

Я же говорила, отметила Ева удовлетворённо. Вернее, думала.

— Я что, должна спасти мир и всё такое?

— Почти. В нашей стране... непростая политическая обстановка, и, полагаю, вы сможете её исправить. Подробности вам лучше узнать не от меня. — Дворецкий покосился на люстру, точно надеялся разглядеть хозяина сквозь потолок. — Во время периодических вылазок в город я нередко выслушиваю интересные новости, домыслы и пересуды. Так вот, с некоторых пор в народе гуляют слухи о юной деве из иного мира, коей суждено явиться, дабы изменить существующее положение вещей. К сожалению, ничего большего мне вызнать не уда-

ГЛАВА 2

лось — не та тема, на которую будут распространяться на каждом углу... особенно учитывая некоторые обстоятельства... а потому до поры до времени я считал это обычными сказками. Но после господин упомянул, что в канун Лёрина дня к нам пожалует иномирная дева, прелестная, как лето. Судя по тому, с каким сарказмом он это произнёс, цитата дословная — обычно его речи подобные эпитеты не свойственны.

— И по этому описанию вы представили меня?

Эльен взглянул на неё внимательно и капельку недоумённо.

— Волосы — пшеничный жемчуг, губы — лепестки пустынной розы, глаза — небо, выцветшее от зноя... О, я должен это записать! — Призрак вдохновенно схватился за грифель. — Я немного поэт, — скромно добавил он, мелким почерком выводя строчки в тетради. — А «розы» можно срифмовать с «летние грёзы», прекрасно... В общем, разве красота лета могла быть иной?

— Вы это всё точно обо мне?

Нет, Ева сама считала себя довольно милой, но не более. И регулярно вздыхала, тоскливо разглядывая в зеркале вздёрнутый нос.

— Вы в королевстве Керфи. — Последний вопрос Эльен то ли оставил без внимания, то ли не счёл достойным ответа. — Что же до хозяина... неужели он не представился?

— Он сказал только, что его имя Гербеуэрт.

— Ох уж эта его немногословность. — Призрак аккуратно отложил грифель в сторону. — На самом деле вас приютил... — Прокашлявшись, он торжественно, словно предваряя явление некроманта в бальном зале королевского дворца, объявил: — Гербеуэрт тир Рейоль, глава дома Рейоль, покровитель Шейнских земель, Избранник Великого Жнеца, ма-

CANTUS FIRMUS

гистр Керфианского Колдовского Ковена, Восьмая Звезда Венца Магистров, законный наследник престола Керфи.

Да ему в коллекцию только титула Матери Драконов не хватает, отметила несколько ошарашенная Ева. Хотя этот было бы трудно заполучить по техническим причинам.

— Будем считать, что я знаю некоторые из этих слов, — после секундного молчания изрекла она. — Как насчёт расшифровки по порядку?

— Не печальтесь, подобный титул может ввести в замешательство и гостей из иных стран, не говоря уже о вас, — любезно откликнулся Эльен. — Спрашивайте.

В процессе расспросов выяснилось следующее. Небольшое, но процветающее приморское королевство Керфи делилось на несколько «земель» (местный аналог областей), и некромант была кем-то вроде губернатора одной из них. «Дом Рейоль» служил синонимом «династии Рейоль», а поскольку родители Герберта почили, когда тому исполнилось пятнадцать, звание главы рода в юном возрасте досталось ему. Кроме того, Герберт фактически являлся принцем: правящая королева Айрес, незамужняя и бездетная, приходилась некроманту тётей и назначила его своим преемником в обход всех других претендентов. В передаче трона ни порядок рождения, ни пол не играли определяющей роли — правители просто выбирали среди своих детей самого достойного (по крайней мере, так предписывалось в уставе о престолонаследии), не делая разницы между сыновьями и дочерьми. Бездетный король выбирал среди сестёр и братьев. Если тех не было, рассматривали кандидатуры ближайших родственников до определённой степени родства. Пол и старшинство также не имели значения; к примеру, Её Величество Айрес

ГЛАВА 2

Первая выбирала между собственным кузеном, Гербертом и его двоюродным братом. Герберт не был первым претендентом по праву рождения, однако королева склонила чашу весов в его пользу.

Вопрос, отчего наследник престола обитает не во дворце, в окружении роскоши и раболепствующей свиты, и довольствуется обществом скелетов, Ева решила оставить до лучших времён. Пока нашлось много других.

— Избранник Великого Жнеца, — вспомнила Ева следующий титул. — Так у вас называют некромантов?

— Именно.

— И что за Великий Жнец?

Она догадывалась об ответе, но уточнить во избежание казусов было не лишним.

— Сын Творца Изначального. Бог смерти и жизни, приводящей к ней. — Призрак аккуратно закрыл тетрадь. — У Творца много детей: Садовод, Ворожея, Воитель, Заступница... мы чтим их всех, и их отца тоже. Но Жнец едва ли не самый сильный из всех, и культ его в Керфи, пожалуй, главенствующий.

— Значит, у вас... в Керфи... быть некромантом почётно?

— Маги других специализаций ценятся не меньше. Но учитывая, что во всём нашем мире некроманты рождаются лишь в Керфи и они не раз спасали страну от вторжения извне, можно сказать и так. — Эльен проникательно воззрелся на неё. — Вас это удивляет?

— Просто в нашем мире некромантов... не очень любят. И побаиваются. — Ева решила не добавлять «в книжках». — Всё же они оскверняют могилы, тревожат покой мертвецов, да и вообще... кхм... якшуются с трупами и взывают к тёмным силам. А это... кхм... вроде как не очень хорошо.

CANTUS FIRMUS

Призрак фыркнул.

— В других странах придают слишком большое значение бранным останкам. Да и жители Керфи, поклоняющиеся иным богам, сторонятся некромантов. Но для истинных керфианцев, последователей нашей религии... — Он рассеянно обвёл рукой скелеты поваров. — Все они принадлежат тем, кто когда-то служил здесь. Они умерли своей смертью и подняты исключительно с их предсмертного согласия. Для верного слуги завещать своё тело господину — естественно. Если ты всю жизнь провёл в стенах этого замка и умер здесь же, тебе не хочется его покидать. Если ты всю жизнь преданно служил кому-то, для тебя в радость послужить ему и в посмертии. И если господин найдёт достойное применение той пустой и жалкой оболочке, что остаётся, когда душа твоя отправляется за грань... или же, если господин не был избран Жнецом, это сделает его потомок... это честь. Иначе твоё тело обречено просто гнить на кладбище, принося пользу разве что червям.

— Вот почему они в одежде? — Ева снова посмотрела на скелеты: не сказать, что совсем другим взглядом, но определённо теплее, чем до того. — В смысле... они же вполне могут обойтись без неё, но...

— Живые тоже могут. Не всегда, но в очень многих случаях. Почему-то не обходятся, — усмехнулся Эльен. — Одежда — дань уважения, лиоретта. Эту одежду они носили при жизни. Было бы некрасиво лишить их её, когда жизнь закончилась. Уважающий себя некромант не делает с останками своих слуг того, что опорочило бы их достоинство, пока их сердца бились. О, не подумайте ничего неприличного, — добавил он, видимо, осознав некую двусмысленность фразы. — Ни один из Рейолоей никогда не отличался... специфическими вкусами.

— А другие некроманты, стало быть, отличаются?

ГЛАВА 2

— Всякое бывает, — ответил призрак уклончиво.

Мысленно возблагодарив судьбу за то, что Герберту, судя по описанию Эльена, досталось разве что болезненное пристрастие к книгам, Ева приготовилась засыпать дворецкого ещё десятком вопросов, но в этот миг скелеты синхронно шевельнулись. Шагнув вперёд, они выжидающе уставились на призрака пустыми глазницами.

От их безглазого взгляда девушке, сидевшей рядом, сделалось немного не по себе.

— О, время готовить завтрак. — Схватившись за свою книжечку, Эльен пролистал несколько страниц и громко объявил: — Сегодня тосты, яйца по-лиорски, белые колбаски и фэйр с меолой. Будьте добры.

Скелеты, неведь каким образом услышав, послушно побрели по своим делам: затапливать печь, доставать продукты из кладовой и бряцать посудой, снимаемой с полок и стен.

— Они вас понимают?

— Сам удивляюсь, поверьте, — развёл руками призрак. — У них не должно быть слуха, да и память, по идее, исчезает вместе с разумом и душой... Но они могут выполнить любой приказ и любое действие, которое выполняли при жизни. Вот велеть им приготовить нечто новое бесполезно, замрут истуканами, и всё. — Эльен горестно следил за передвижениями скелетов, один из которых удалялся в судомойню с большой кастрюлей. — Хорошо, что мы не даём званых обедов с тех пор, как господин распустил всю живую прислугу. Не приходится перед гостями стыдиться стола по моде тридцатилетней давности.

Еве хотелось сказать, что она бы с удовольствием попробовала иномирные блюда хоть позапрошлого века, но решила не сыпать соль на раны. Ни на свои, ни на Эльена, и без того огорчившегося, что не сможет накормить долгожданную гостью ужином. К то-

CANTUS FIRMUS

му же нечисть и нежить, каковой являлись они оба, с солью были не в ладах¹.

Отступив к лестнице, чтобы не мешать скелетам, Ева переспросила:

— Герберт распустил всю прислугу?..

Призрачные пальцы Эльена рассеянно пробежали по обложке тетради, будто лежали на невидимых клавишах.

По отточенности движения, очень похожего на привычку бывалого пианиста, Ева заподозрила, что пассаж про фальшивые рулады не совсем соответствовал действительности.

— Это долгая история. И сейчас не лучшее время её рассказывать. — Призрак повернулся на каблуках, наблюдая за передвижениями костяных слуг. — Напоследок возвращаясь к моим обязанностям... При жизни я руководил мужской прислугой в доме и, кроме того, следил за гардеробом господина. Однако за последнюю сотню лет дворецкие стали намного более... универсальными, а превращаться в бесполезный реликт у меня нет ни малейшего желания. К тому же потом у Рейолей начались... м... некоторые проблемы с финансами. Живую прислугу стали сокращать в пользу нежити, а скелеты неспособны мыслить или быть ответственными за что-либо. Так что я иду в ногу со временем и при отце господина Уэрта ко всему прочему заменял экономку, а также отвечал за винный погреб и организацию торжественных приёмов. Сейчас же всё хозяйство в замке, включая закупку еды, держится на мне.

В общем, если Ева правильно помнила исторические романы, вышла эдакая помесь вполне себе

¹ По крайней мере, если верить авторитетному сериальному источнику, который в свои редкие выходные Ева любила смотреть за едой и который поселил в ней мечту о чёрной «Импале» 67 года.

ГЛАВА 2

земного дворецкого с вполне себе земным камердинером и мажордомом. Что немудрено: в другом мире и уклад обязан быть немножко другой.

— Могу проводить вас в столовую, — завершая разговор, предложил Эльен, пока скелеты сустились во круг. — Господин скоро спустится туда.

— А... нет, спасибо, я... мне вообще сказали оставаться в комнате. Я лучше вернусь к себе.

— О, молодость, молодость! Что ей чужие указы. — Призрак заговорщицки улыбнулся. — Не беспокойтесь, лиоретта. Для хозяина вы слишком ценная гостья, чтобы отдавать вам приказы или строго наказывать... Не говоря уже о том, что в моей голове не укладывается, как можно быть строгим с такой пленительной особой... но я не выдам вашего самовольства. На всякий случай. — Он изящно и учтиво шаркнул ножкой. — Найдёте сами обратную дорогу?

— Думаю, да. Если заблужусь, буду громко кричать. — От любезности призрака, искристым бисером рассыпавшейся в его словах и манерах, на губы сама собой вернулась улыбка. — Спасибо, Эльен.

— Счастлив быть вам полезен, но не спешите меня благодарить. Полагаю, нам предстоит ещё много бесед, и надеюсь, что в скором времени вы не взвоете от моего общества.

— Если нам и правда предстоит много бесед, ещё посмотрим, кто от кого взвоят.

Призрак коротко посмеялся, и на этой ободряющей ноте Ева покинула кухню — радуясь, что потрудилась запомнить путь к лестнице, по которой они с некромантом поднимались, когда её первая безумная ночь в иномирье только начиналась.

Ценная гостья, стало быть? Ну-ну. Понять бы ещё, за что её так ценят. И предстоящий завтрак — самый подходящий момент, чтобы это узнать.

CANTUS FIRMUS

Некромант сдержал слово. Вскоре после того, как Ева вернулась в комнату, в дверь постучали: за порогом оказался ещё один скелет в платье, который (подумать только!) поклонился и жестом велел следовать за ним.

Столовая располагалась неподалёку от кухни. Такая, какой и положено быть замковой столовой — огромный камин, бесконечный стол и скамьи, длинные, как анаконда. Герберт ковырялся в тарелке, восседая в кресле с высокой бархатной спинкой; ковырялся не глядя — всё его внимание было приковано к книге, парившей над столом прямо напротив глаз, — и левой рукой, что ко всем прочим его примечательным чертам прибавляло диагноз «левша».

— Знакомься, Эльен, — услышав Евины шаги, сказал он. — Наша гостья. Тебе предстоит поведать ей об особенностях нашего мироустройства, обучить её тонкостям этикета и учесть, что ей предстоит произвести благоприятное впечатление не только на неотёсанных простолюдинов. Надеюсь, она не столь безнадёжна, как кажется. Это Эльен, мой дворецкий, и он будет учить тебя тому, на что я не собираюсь тратить силы и время. — Призрак, дежуривший неподалёку от стола, бесстрастно и чопорно поклонился, выдав их знакомство лишь сочувственно-ободряющим взглядом. — Садись.

Ева тихонько хмыкнула (очень хотелось фыркнуть, но фырканье вышло бы слишком выразительным и демонстративным, а злить того, от кого зависит твоя не-жизнь, она всё ещё считала не самым разумным поведением). Послушно села — вопреки законам комедийного жанра, не напротив некроманта, на другом конце бесконечного стола, а на скамью рядышком.

Разглядев, что лежит на столешнице, схватила знакомый телефон в сиреневом силиконовом чехле.

ГЛАВА 2

— Так и думал, что это твоё, — скушаяще прокомментировал Герберт, пока Ева упоённо стучала кончиком пальца по сенсорному экрану. Телефон исправно работал, даже не вырубился: разве что сеть ожидаемо не ловил. — Нашёл это в твоём платье, решил, тебе это... что ты делаешь?

Последнее он уточнил, сощурившись от автоматической вспышки камеры — та запечатлела лик некроманта на фоне камина и на миг придала надменному голосу некое подобие человечности.

— Фото. На память, — пояснила Ева, демонстрируя Герберту картинку, прежде чем убрать телефон в карман штанов.

Пожалуй, потом надо будет сделать селфи. Много селфи, и с некромантом — украдкой — тоже. Возможно убедиться, что всё это ей не пригрезилось. Хотя если в какой-то момент Ева проснётся в своей постели, а фото в телефоне благополучно не окажется, это будет не худший вариант: при всех плюсах подобного приключения увидеть его во сне — тоже неплохо, а оказаться дома живой и с целёхоньким Дерозе в придачу — ещё лучше.

Впрочем, если это всё-таки не сон, хорошо, что сети нет. Не то Ева уже заспамил бы друзьям всю ленту инсты и твиттера, с хэштегом *#мирдолжензнатьчтоязомби*.

— В следующий раз убедительная просьба предупредить, — сказал Герберт холодно. — Могу случайно решить, что ты пытаешься ослепить меня и убежать, и сделаю что-нибудь, вследствие чего ты попросаешься либо с сознанием — временно, либо со своей игрушкой — навсегда.

Вопреки Евиным ожиданиям, столкновение с технологиями не только не заставило некроманта испытать священный трепет, но как будто ни капельки не удивило. Впрочем, отбросив идеи ещё для пары

CANTUS FIRMUS

твитов, девушка сконцентрировалась на том, что было действительно важно:

— А у меня есть причины убежать?

— Полагаю, появятся, когда я введу тебя в курс дела. Если я ошибаюсь, это окажется приятным сюрпризом. Жаль, что ошибаюсь я крайне редко. — Щелчком пальцев некромант призвал из ниоткуда большой пергаментный свиток. — Проясни лишь самое необходимое, остальное расскажет Эльен. Итак. — Отправив в рот кусок чего-то похожего на яичницу-болтушку под зелёным соусом, Герберт чуть взмахнул серебряной трехзубой вилкой: пергамент, послушно развернувшись, лёг на стол перед Евой. — Это Гофрахеим. Так называется наш мир. Мы в Керфи, ты смотришь прямо на него.

Она воззрилась на карту, являвшую взгляду архипелаг с тремя крупными островами. Надпись «Керфи», начертанная затейливым шрифтом (нечто вроде латиницы, скрещенной с кельтскими рунами и гордившейся дальним родством с алхимическими символами), красовалась на левой части нижнего из них, желтевшей между горной грядой и извилистыми морскими берегами.

Язык надписи был Еве незнаком, но значение читаемого всплыло в сознании само собой, точно кто-то втайне от неё записал перевод на подкорке.

— Если есть вопросы, задавай.

Предложение некроманта можно было бы назвать великодушным, если б не тон, которым его озвучили. Поэтому Ева довольно долго выбирала из всех своих вопросов самый уместный и актуальный — но не была уверена, что в конечном счёте сделала правильный выбор.

— Почему я тебя понимаю? Почему понимаю, что здесь написано? Почему сама говорю на вашем языке, если не знаю его?

ГЛАВА 2

Ева так и не подняла взгляд, изучая карту, но отчётливо поняла, что его поднял некромант — возведя очи к потолку.

— Ты всерьёз спрашиваешь об этом, пребывая в мире, пронизанном магией? Мне казалось, факт наличия магии во всём, что тебя окружает, не столь незаметен.

— Хочешь сказать, это какое-то переводческое волшебство?

— Некая разновидность ментального колдовства, полагаю. Магическое усовершенствование мозга, свойственное подобным тебе. Прилагается к магическому дару, который достаётся вам при переходе в другой мир. Грустно только, что оно делает вас гениальными лингвистами, не затрагивая общий уровень интеллекта. — Краем глаза Ева заметила, как некромант аккуратно отложил вилку в сторону. — Насколько могу судить, для каждого моего слова эти чары подыскивают в твоём мозгу максимально близкий смысловой аналог, известный тебе. Если он есть, конечно: понятия, которых в твоём мире не существует, для тебя так и прозвучат на керфианском. — На секунду Ева задумалась, почему чары не подыскали аналог для «лиоретты», но потом сообразила — в её голове и так живут «мадемуазель», «мадам», «леди», «сеньорита» и прочее, и ещё одно иностран... иномирное обращение погоды не делало. — Когда ты открываешь рот, чары преобразуют твою речь в слова языка, родного для твоего собеседника. Попади ты в Риджию, сейчас столь же прекрасно говорила бы на риджийском. — Герберт едва заметно покачал головой. — Если б эти чары ещё прививали вашей речи и вульгарным манерам культуру, а поведению — этические нормы, цены бы им не было.

Сказанное объясняло не только отсутствие языкового барьера, но и то, что речь аборигенов не изо-

CANTUS FIRMUS

биловала незнакомыми терминами... и, запоздало осознав полный смысл услышанного, Ева ухватилась за интересную информацию:

— Магический дар? Ты сказал, у меня есть магический дар?!

— Он был у всех тебе подобных. Учитывая все детали, ты не могла стать исключением.

— Так я что, не первая?..

— Конечно, нет. Такие, как ты, регулярно валятся нам на голову. Раз в несколько лет появляются в той или иной стране. — Некромант кивнул на карту. — К слову, тебе повезло, что ты не вывалилась в Риджии. Там тебе пришлось бы хуже, чем здесь.

Ева посмотрела на соседнюю страну — та занимала оставшуюся, большую часть острова, отделённую от Керфи горным хребтом.

— Ещё хуже, чем быть убитой немедленно по прибытии? Звучит интригующе.

— Риджия — отсталая страна, населённая отсталой нелюдьё. Лепреконы, дроу, эльфы. Люди и маги тоже есть, но я им не завидую. Неоднократно пытались нас завоевать. Последние триста лет провели в междоусобных войнах. Пока весь мир развивался и шёл в ногу со временем, чтобы ступить в нынешнюю просвещённую эпоху, они вырезали друг друга. Только недавно наконец объединились под эгидой вроде бы толкового правителя и его вроде бы толковых советников, но и в этом им немало помогло вмешательство такой же пришедшей девчонки, как ты. Подумать только. — Смерив её внимательным взглядом, Герберт вновь покачал головой, выразив таким образом всё, что думает по поводу этих самых пришедших девчонок. — Насколько мне известно, там женщин ни в грош не ставят.

— А в вашей... продвинутой стране, значит, ставят.

ГЛАВА 2

На «продвинутой» Евины пальцы, которыми под столешницей она вцепилась в колени, самопроизвольно дёрнулись изобразить кавычки.

— У нас женщины наравне с мужчинами получают высшее образование в университетах. Имеют полное право наследовать имущество, титулы и престол. Там дочь Повелителя может сесть на трон лишь в случае, если нет наследников мужского пола, а после смерти мужа женщина с юридической точки зрения становится приживалкой у собственных сыновей. Становилась бы, если б риджийцам знакомо было понятие «юрист», — поправился некромант едко. — Университетов в Риджии нет, простолюдины остаются с пятью классами школы, знатные девушки получают образование на дому. Если они не колдуньи, изучают только то, что позволит им быть красивыми куклами при достойном муже. Делай выводы, если умеешь.

Ева глубоко вдохнула, набираясь бесконечного терпения для того, что ей предстояло сказать.

Она была крайне необидчивым человеком. По очень простой причине — на тех, чьё мнение о твоей персоне тебе абсолютно неинтересно, обижаться глупо; людей, чьё мнение Еву действительно интересовало, нашлось бы немного, и им обижать её было не свойственно. Динка, старшее чадо четы Нельских и Евина сестра, утверждала, что вести себя так — всё равно что ходить в футболке с надписью «вытрите об меня ноги, пожалуйста», и на это Ева тоже не обижалась. Некоторые хотят, чтобы ты защищался, ибо привыкли выставлять против чужих колкостей щит сарказма и ответных колкостей, но иногда проще пропустить колкости мимо ушей: жальщей льдинкой сквозь невесомый туман души, не позволяя обидным словам задержаться внутри и задеть нервные струны.

CANTUS FIRMUS

Это не значило, что Ева не умела защищаться. Или мстить. Просто вещи, вынуждавшие её бить в ответ, были действительно весомыми. К примеру, она легко прощала оскорбление в свою сторону, но никогда не прощала оскорбление тех, кого любила. И даму, застрелившую её, прощать была не намерена. И всячески подчёркиваемое презрение некроманта к её персоне начинало её раздражать.

Отчасти потому, что такое поведение человека, упрекавшего её в вульгарности, она склонна была назвать не менее вульгарным.

— Послушай, Герберт, — произнесла Ева как можно мягче. — Зачем ты мне помог, если ты явно... м... не питаешь ко мне тёплых чувств? Не подумай, я всё понимаю — в конце концов, я тебе никто и звать меня никак... но всё-таки.

Герберт посмотрел на неё почти страдальчески.

— Не знай я, что с предсказаниями лучше не шутить, я бы и не стал. К сожалению, я это знаю. Тебе суждено воплотить одно важное пророчество, и здесь ты именно за этим.

Ева очень постаралась изобразить удивление.

— Что за пророчество?

— *Когда на троне воссядет та, чьё сердце холодно и черно, и ужаса шёпот звучать будет не громче, чем шорох листвы, в год двух лун придёт чудище с Шейнских земель, всем и каждому гибель неся. И в день, осени смерти предшествующий, явится юная дева из мира иного, как лето прелестная, и чёрной королевы правлению конец положит; венец обручальный на чело её король истинный возложит, и сердца огнём и клинком чудище дева сразит, и жизнью своею заплатит, мир ею купив.*

Герберт отчеканил это без заминки. Явно приготовившись к вопросу задолго до того, как тот прозвучал. И пару секунд Ева сидела, осмысливая то, что

ГЛАВА 2

услышала, и даже не зная, что в услышанном пугает её больше: чудище или некий обручальный венец.

— О, так пророчество пера Лоурэн? Узнаю её слог, — воодушевлённо откликнулся Эльен, до сего момента молчавший в углу. — Сейчас её склонность к инверсиям, порой решительно путающим смысл фраз, кажется немного архаичной... но её творчество без сомнения является образцом высокой поэзии в прозе и истинным литературным памятником эпохи Империи. Простите, господин, не удержался, — добавил призрак под тяжёлым взглядом Герберта. — Вы ведь знаете, как высоко я ценю писателей той эпохи. Лоурэн в особенности.

— Если всё это обо мне, — выдавила Ева, наконец определившись, что пугает её больше всего, — пункт про «заплатит жизнью» мне не слишком нравится.

— В том вся и прелесть, — заметил Герберт с пугающей иронией. — Ты *уже* ею заплатила. При всех неудобствах это также даёт тебе некоторые преимущества. Стать мёртвой, будучи живой, довольно легко. Стать ещё мертвее, будучи мёртвой, куда труднее.

Резон в словах присутствовал, но Ева всё равно нервно сомкнула ладони в замок.

— Можешь повторить, но перевести с поэтического на человеческий? Смысл, *так* умело завернутый в высокую поэзию, на слух воспринимать трудно.

— Всё элементарно. Ты свергнешь правящую королеву Айрес. Не беспокойся, она злая, всё как в старинных легендах, — саркастично добавил Герберт. — Убьёшь дракона. Во всяком случае, у меня есть все основания полагать, что «чудище с Шейнских земель» — дракон: лишь эту зверюгу ни мне, ни отцу так и не удалось приструнить. Обручишься с тем, кто взойдёт на престол после отречения королевы. Это будет вопиющий мезальянс, но, учитывая, что

CANTUS FIRMUS

большая часть керфианцев не одобряет политику королевы и ждёт твоего прихода, полагаю, это нам простят.

Меньше вопросов у Евы не стало. Даже наоборот. И испуг возрос прямо пропорционально вопросам.

— Королева. Твоя тётя, — машинально озвучила она. — Ты хочешь, чтобы я свергла твою тётю?

Некромант бросил уничижительный взгляд на Эльена.

— Не буду спрашивать, откуда тебе это известно, ибо догадаться нетрудно, но да: я хочу, чтобы ты *помогла мне* свергнуть мою тётю.

— И убила дракона. Настоящего.

— Нет, кукольного.

Ева обладала достаточно чутким слухом и развитой сообразительностью, чтобы различить маячащую за этими словами табличку «сарказм».

— Огромного, огнедышащего и с крыльями.

— Какого же ещё.

— И в человека он, конечно, не превращается.

— В человека? — В голосе некроманта скользнуло раздражение, лёгкое и шелестящее, как стрекозиное крыло. — Ваша фантазия и до такой ерунды дойти может?

Совсем плохо дело. Справиться с драконом в человеческом обличье — куда ни шло, особенно если бы это был дракон в *симпатичном* человеческом обличье. Тем приятнее было бы склонять его на свою сторону — исключительно из деловых соображений, дабы разрешить конфликт дипломатическим путём (в конце концов, пророчествам часто присуща возможность вольных трактовок, а сразить кого-то — и даже наповал — можно без варварского кровопролития). Но легендарная зверюга с клыками...

— А меня точно ни с кем не перепутали? Я не особо похожа на драконоборца. Сам видишь.

ГЛАВА 2

— Исключено. Пророчество обозначило точную дату. В этот день возникла единственная прореха между мирами, и из неё вышел единственный человек — ты. Прореха всегда бывает только одна. — Невозмутимостью тон Герберта напоминал лекторский. — Я уже сказал, что у тебя есть магический дар, и поверь: дар, который ты получила при переходе сюда, способен на многое. Вы, иномирцы, всегда... почти всегда... становитесь возмутительно сильными колдунями. И возмутительно удачливыми — в рамках здравого смысла, конечно. Увернётесь от смертельного выстрела судьбы там, где он настиг бы тысячи других людей, но не когда остриё стрелы приставлено вам ко лбу.

— В этом я уже убедилась, — бесцветным голосом подтвердила Ева.

— Так что ты свергнешь королеву после победы над драконом, — закончил некромант.

— Зачем?

— Таково твоё предназначение.

— А кроме этого?

Герберт воззрился на неё с искренним недоумением.

— Должно быть что-то кроме?

— Я так поняла, твоя тётушка — злобный тиран. От тиранов лучше держаться подальше. Они обычно живучие, зато те, кто на них покушается, в большинстве случаев плохо кончают. Я не ассасин и не испытываю особого энтузиазма при мысли о том, что мне придётся кого-то убить. Иногда хочется, — вспомнив недавнее желание освоить методы инквизиции, честно признала Ева, — но не думаю, что у меня хватило бы духа, когда дело... дошло бы до дела. Извиняюсь за тавтологию.

— Об убийстве никто не говорит! — В голосе её собеседника прорезались нотки, режущие слух ле-

CANTUS FIRMUS

дяной крошкой. — Айрес — моя семья. Моя кровь. Я хочу, чтобы она оставила трон, не более.

— Прости, но ваши трогательные семейные взаимоотношения меня всё равно не вдохновляют.

Взгляд Герберта, задумчиво щёлкавшего костяшками длинных пальцев, сделался почти оценивающим.

— Она знает, как оживить тебя. И как вернуть домой.

Ева внимательно посмотрела на него.

— Знаешь, почему-то я тебе не верю, — с сомнением произнесла она пару секунд спустя.

— Жаль, — откликнулся некромант без всякого сожаления. — Согласись, это стало бы для тебя хорошей мотивацией.

— Лживой мотивацией.

— Попытаться стоило. — Он откинулся на спинку кресла. — Я не знаю, известно ли ей это. Но если кому-то в Керфи это известно, то ей.

— Знаешь, я лучше поищу способ ожить в других источниках. Без такого риска. Наверняка где-нибудь в библиотеках есть магические талмуды, в которых...

— И раз уж более цивилизованные мотивы не являются для тебя достойными, возможно, тебя порадует шанс отомстить.

— Отомстить? За...

Ева осеклась, когда разрозненные мысли, фразы и факты вдруг сложились в единый пазл.

— Она убила меня. Королева. Твоя тётя. — Произнести это вслух оказалось крайне странно. — Она знала о пророчестве. Знала, когда я приду. И убила меня, чтобы оно не воплотилось.

— А в отместку ты свергнешь её. Так гласит пророчество, и, поверь мне, так будет, — непререкаемо закончил Герберт. — Надеюсь, *это* тебя мотивирует?

Ева посмотрела на него исподлобья.

ГЛАВА 2

Пазл в голове продолжал собираться, и кое-какие выводы её совершенно не радовали.

— Согласно пророчеству я стану невестой истинного короля, — сказала она, озвучивая простую логическую цепочку. — Ты — наследник королевы. Наследник, который хочет её свергнуть. Не с тобой ли случайно я должна обручиться?

Эльен, до того очень успешно изображавший просто тень у камина, как-то странно кашлянул.

— Я понимаю, что тема свадьбы начинает волновать девочек, как только они обретают способность волноваться и познают значение слова «свадьба», но об этом тебе пока беспокоиться не стоит. — Сухой, как старый пергамент, голос некроманта очень ясно подсказал: развитие темы его не порадует. — Перед всей этой свадебной ерундой у нас будет много других хлопот.

Возможно, в иной ситуации Еву смягчил бы факт, что тема помолвки явно воодушевляет Герберта не больше неё самой. Может, даже насторожил бы.

Однако сейчас о его чувствах Ева склонна была думать в последнюю очередь.

— Так это ты! — Опершись ладонями на стол, она гневно вскочила на ноги. — Ты... ты хочешь сесть на престол, хочешь править сам! Вот зачем я тебе нужна! Я для тебя — Экскалибур на ножках! — *Или это не его Артур вытащил из камня?* Ева внезапно задумалась. *Там же ещё была какая-то озёрная дева с каким-то мечом...* Впрочем, сейчас это определённо было не самым актуальным вопросом. — Народ знает о пророчестве и ждёт моего прихода, так? И если я свергну королеву и убью дракона, а потом обручусь с тобой, никто не посмеет усомниться, что ты и есть тот самый «истинный король»!

— Надо же, — протянул некромант. — Быстро поняла. — Он вновь взялся за вилку. — Похоже, ты всё

CANTUS FIRMUS

таки умнее, чем кажешься. Но позволь узнать, что вызвало в тебе такое возмущение?

Ева стояла, удерживая на языке всё, что ей хотелось высказать по этому поводу. Посмотрела на Эльена, взор которого был почти страдальческим.

Опустила взгляд на свои ладони, непроизвольно сжавшиеся в кулаки.

— Я не хочу во всём этом участвовать, — произнесла она наконец.

— Ожидаемо. Но видишь ли, я тебя поднял, и ты исполнишь любой приказ, который я тебе отдам, — сказал Герберт прохладно. — Учитывая то, что тебе предстоит, я не хочу превращать тебя в зомбированную куклу. Нам и без того придётся скрывать факт твоей смерти: мёртвая спасительница может вызвать... предубеждение. Однако суть в том, что ты исполнишь предназначённое и ты будешь сотрудничать со мной, и я рассчитываю, что ты окажешься достаточно благоразумной, чтобы сделать это добровольно. Потому что иначе ты всё равно это сделаешь, просто с лишней морокой для меня и страданиями для себя. — Он отстранённо подцепил серебряными зубчиками кусок безнадежно остывшей колбаски. — Так что мы изменим мир. Ты и я.

— И выбора у меня нет.

— Никакого.

Глядя, как некромант безразлично дожёвывает свой завтрак, Ева подумала. Ещё подумала.

Разжала кулаки, вонзив ногти в пергамент старой карты.

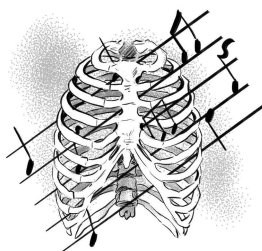
Очень мило улыбнулась.

— Ладно, — сказала она. — Думаю, мы поладим.

Глава 3

INFURIANTO¹

Следующей ночью Ева впервые попыталась убежать.

На успех она не рассчитывала, но Дерозе и прочие пожитки на всякий случай прихватила. В шкафу нашёлся плащ, окутавший её фигурку с головы до ног (нечего смущать местных странным нарядом, а людей королевы — потенциально подозрительным лицом). Там же обнаружилась просторная замшевая сумка на длинном ремне: в неё отправился серебряный подсвечник, который Ева надеялась заложить в ближайшем ломбарде, если в этом мире они существовали.

Тихо спустившись на первый этаж, девушка проследовала к выходу из замка. Пройдя через внутренний двор — брусчатую площадь с колодцем посередине, — сквозь каменную арку вышла в крайне запущенный сад.

Вглядываясь в непроглядную тьму, резко взмахнула правой рукой, точно отражая невидимый удар. Ничего.

¹ Гневно (муз.).

INFURIANTO

— Ну давай!

Вторая попытка призвать необходимое тоже не увенчалась успехом.

Покосившись на освещённые окна, горевшие за спиной тревожными сигналами, Ева досадливо жала пальцы.

— Если ты считаешь, что сейчас мне не надо себя защищать, ты неправ, — сказала она, увещевая пустоту. — Я собираюсь спуститься к воротам через очень тёмное место, которое прежде видела только из окна. При таком раскладе споткнуться и свернуть себе шею — раз плюнуть. Я, конечно, и так почти мертва, но быть мертвецом со свёрнутой шеей определённо печальнее, чем с целой. Творить какие-нибудь волшебные фонарики, если они и есть, я пока не умею. Так что ты мне очень нужен. Появись, ладно?

Сосредоточилась, махнула рукой в третий раз... и удовлетворённо воззрилась на то, что появилось в ладони, разогнав тьму ровным голубоватым светом.

К сожалению или к счастью, но ночи предшествовал долгий день, а на пути к желанной короне некромант не желал терять ни минуты, так что после завтрака немедленно принялся лепить из Евы спасительницу всея Керфи.

— Для нормального обучения магии времени слишком мало. Придётся не учить тебя, а натаскивать, — с привычной брезгливостью и брюзгливостью бросил Герберт, приведя её в зал, отведённый для магических тренировок. — Освоишь владение стихийным оружием, пару щитов, несколько боевых заклинаний — тебе этого хватит.

— Стихийное оружие?..

Впоследствии уроки венценосного сноба Ева собиралась по возможности саботировать. Но поскольку магический дар — штука, с которой сталки-

ГЛАВА 3

ваешься не каждый день, и довольно полезная, азам она решила научиться у профессионала.

— Любой маг может призывать стихийное проявление колдовского Дара. — Вид Герберта ярко демонстрировал, что некромант далёк от любви к преподаванию примерно так же, как Ева — от дома. — Он воплощается оружием, наиболее близким сути мага, и являет собой чистый сгусток маны.

— Маны? — В памяти всплыл арбалет, огнём пылавший в руках королевы. — Что, как в компьютерных играх?

— Не знаю, о чём ты, но рад, что в вашем мире есть понятия, которые позволят мне не разжёвывать элементарное. — Герберт воздел руки к расписному потолку, где по нежной майской зелени вились цветочные узоры. — Начнём.

Когда тень в углу зала шевельнулась, Ева решила, что ей мерещится.

Когда тень сгустилась, приобретя примерно человеческие очертания — если б люди могли быть с щупальцами вместо рук и клубами бесформенного чёрного дыма вместо лица, — лишь утвердилась в этой догадке.

Когда тень оказалась рядом и рука, похожая на сгусток темноты, потянулась к Еве, поняла: если ей и мерещится, стоять и ждать, пока выдуманный монстр сделает её ещё мертвее, не стоит.

Ева кинулась бежать. Что-то обвило её лодыжку, заставило рухнуть на пол; девушка заскребла ногтями по пошарпанному паркету, но щупальце за ногу тащило её обратно. Рывком перевернувшись на спину, Ева вскинула руку... и чудовище над ней разорвало вспышкой голубого света — так, точно его полоснули сияющим хлыстом.

Сгущённая тьма рассыпалась клочками, таявшими в воздухе.

INFURIANTO

Когда Ева встретилась глазами с некромантом, тот сверлил её таким взглядом, будто это она натравила на него тентаклевого монстра.

Еве хотелось сказать ему многое. Но поскольку громкому бунту она предпочла тихий, то вымолвила лишь:

— За что?!

— Оружие материализуется, когда магу нужно защищать себя. — Герберт кивнул на её правую руку, бессильно упавшую на каменный пол. — Скажи на милость, что *это*?

Ева проследила за его взглядом.

В пальцах переливался аквамариновыми отблесками виолончельный смычок.

Он лежал в руке как влитой. Вместо волоса — тончайшие лучики василькового света, слегка изогнутую трость словно соткали из мерцающего хрусталя. Секунду спустя Ева поняла: нет, не хрусталь. Вода. Текучая вода, принявшая форму смычка, точно сымитировав трость и невысокую колодку. Даже обмотка под указательным пальцем присутствовала — из тонкого, как проволока, белого света.

— Смычок, — удивлённо и радостно констатировала Ева.

— Вижу, что смычок, — раздражённо сказал некромант. — *«Сердца огнём и клинком чуднице дева срязит»*, сказано в пророчестве. У тебя должен быть огненный меч. Маги обычно призывают или меч, или лук, или арбалет — оружие, в общем. А это что за ерунда?

Ева повертела смычок в руке.

Баланс был идеальный. Волшебная вода — твёрдая, как стекло, — на ощупь казалась шелковистой. Можно ли этим смычком действительно играть?.. Едва ли вода способна резонировать в ответ звуку виолончели. Скорее, служить глушителем.

ГЛАВА 3

— Там сказано, что дева сразит чудище огнём сердца. И клинком, — переведя строку с поэтического на человеческий, справедливо возразила она. — Про то, что клинок будет огненным, ни слова.

Ева не стала предполагать вслух, что произошла ошибка и она вовсе не та дева. Даже если не та, королева убила её в любом случае, а Герберт оживил только из-за пророчества. И Ева не сомневалась: если надобность в ней отпадёт, некромант без особых раздумий поможет ей упокоиться окончательно.

— К сожалению, не все в народе хорошо разбираются в тонкостях строения фраз. Народ ждёт спасительницу с пылающим мечом. А это в любом случае не меч. — Герберт устало прижал пальцы к вискам. — Ладно, давай проверим, на что он годен.

Следующую пару часов Ева отбивалась от теневых монстров, которых некромант исправно призывал на её голову. В процессе выяснилось, что смычок, как ни странно, и правда похож на магический хлыст. Как скупое пояснил Герберт, управление им базировалось на концентрации, силе воли и мысленном приказе; самого «кнута» видно не было, и к необычному оружию надо было приспособиться, но по действию Ева представила нечто вроде длинной упругой струны из чистого света.

Как выяснилось, хлыст рассекал врагов не хуже меча, отбрасывал их или связывал — в зависимости от желания владелицы. Последнее пришлось Еве по душе: наблюдать, как чудище скрючивает невидимой верёвкой, надёжно приматывая руки-щупальца к телу, было даже забавно. Правда, удержать врага в путах требовало немалых усилий — смычок рвался из пальцев, точно Ева сжимала удочку, на которую подцепила акулу.

— Достаточно, — махнул рукой Герберт, когда очередная тень скорчилась в волшебных путах. — Я понял.

INFURIANTO

Монстр растаял в воздухе моментально. Ева, напряжённо сжимавшая смычок, чуть не упала, когда противоборствующая сила вдруг испарилась.

— Что это за штуки? — спросила она, неловко восстановив равновесие.

К концу урока она немного привыкла к чёрным тварям, но лишь немного. И даже не знала, что пугало больше: их непохожесть на людей или сходство. В туманных фигурах порой угадывались привычные человеческие одеяния (если делать скидку на фэнтезийный мир), шляпы, капюшоны, кудри на голове, под которыми на миг как будто проступали мужские черты... чтобы тут же быть съеденными чернотой, скрадывавшей всё, обезличивающей их до манекена, сотворённого тёмной магией.

— Тени людей, которых я убил, — откликнулся Герберт с восхитительным равнодушием. — Умершие от руки некроманта обретают покой, лишь если он того хочет. Иначе их души остаются навеки привязанными к этому миру, и некромант может в любой момент призвать их для защиты. Своей воли они лишены, ослушаться, разумеется, не могут.

Ева уставилась туда, где совсем недавно туманная фигура дёргалась в незримой петле.

— И я что... уничтожила их? С концами?

— Нет, конечно. Уничтожить их невозможно — лишь убить некроманта, к которому они привязаны. Или полностью истощить его силы. Тени временно развеиваются, потом, подпитываясь моей энергией, воплощаются снова. Ты могла бы заметить сходство между противниками, не будь слишком занята тем, чтобы трястись от страха и жалеть себя.

Ева посмотрела на него.

Атаку Герберт отразил без малейшего труда: невидимая струна с негромким, бархатистым и очень мелодичным «*дзинь*» (ля малой октавы, как определил

ГЛАВА 3

Евин абсолютный слух) отскочила от прозрачного купола, накрывшего некроманта огромным пузырьём преломлённого воздуха. От столкновения с преградой смычок возмущённо завибрировал в пальцах.

— И что это было? — прохладно поинтересовался оппонент.

— Тренировка, — откликнулась Ева, невинно сложив руки за спиной. — Мне же надо знать, как эта штука сработает на людях.

— Вот как. — Герберт склонил голову с видом, ясно говорившим *«будем считать, я тебе поверил»*. — Все мои тени — наёмные убийцы. Которые очень хотели убить меня, а до того убивали по-настоящему хороших людей. Плохих тоже, но хороших, полагаю, было больше. Если тебя это успокоит. — Он небрежно отвернулся. — Мне нет никакого дела до того, что ты обо мне думаешь, но вряд ли наши занятия будут продуктивными, если ты продолжишь смотреть на меня как телёнок на мясника.

Ева промолчала.

...парень, который любит котиков, не может быть таким уж плохим. Парень, которому служит — и которого любит — такой милый призрак, как Эльен, тоже. И пусть некромант порой ведёт себя откровенно по-скотски, на серийного убийцу он не похож.

Ох, остаётся надеяться, что её вечное стремление верить в людей (даже в некромантов, которые ведут себя откровенно по-скотски) не подведёт.

— За мной, — велел Герберт, устремляясь к выходу из зала. Купол исчез, стоило ему сделать шаг, но Ева не сомневалась, что при необходимости так же быстро появится вновь. — У тебя на сегодня есть формулы, которые надо выучить. Потом урок с Эльеном и со мной.

Она воззрилась на смычок, мирно мерцавший в ладони:

INFURIANTO

— А что делать...

— Разожми пальцы и отпусти его. Исчезнет сам. Призывать по собственному желанию научу завтра.

Ева послушалась. С некоторым сожалением узрев, как смычок растворяется в пустоте, поторопилась за новообретённым учителем.

— А у тебя какое магическое оружие? — осторожно поинтересовалась она, пока они шли по коридорам, где на полу дрожал пёстрый свет дня, просеянный сквозь витражи.

— Некромантия. Либо некромантия, либо стихийный Дар. Вместе они не уживаются.

— Вот как. Поэтому вместо волшебного меча ты призываешь персональную свиту из теней отца Гамлета?

На сей раз ответом её не удостоили, и до знакомой библиотеки с алтарём они шли молча.

Разглядывая её сейчас в не столь ошеломлённом состоянии, Ева признала, что библиотека впечатляет. Даже если не учитывать алтарь, украшавший далеко не все библиотеки, и разлётшегося на нём кота. Книжные шкафы пестрели по всем стенам и высились до потолка — примерно в три Евы высотой; к одному из шкафов прислонили передвижную лестницу, скользившую по приделанной над полками рельсе.

Стремительно вскарабкавшись по ступенькам, некромант ловко проехался вдоль всей стены. Позволив лестнице переместиться по изогнутой направляющей на следующую, он резко затормозил у шкафа прямо напротив входа, чтобы вытащить с верхней полки толстый том в кожаном переплёте.

— Выучишь это. — Открыв книгу где-то в начале, Герберт бесцеремонно загнул уголок страницы. Кинул талмуд в направлении Евы: плавно спланировав вниз, книга перелетела через просторную комнату

ГЛАВА 3

прямо в девичьи руки. — Последовательность слов и рун. Нужное место я пометил.

Она открыла ветхий фолиант, почти кричавший «я магическая книга».

Помимо строчек на керфианском, вещавших что-то о сотворении щита, там обнаружили строки, которых Ева не понимала, но знала, как их читать. Должно быть, заклятие. Затем следовала череда символов, смахивающих на плод греховного союза скандинавских рун и японских иероглифов.

— Это простейший защитный купол. А это, — Герберт послал в полёт ещё одну книгу, — усыпляющее заклятие. Чертить руны без меня не пробуй. Вечером покажу, как надо.

— Это ведь заклятия, да? — поймав второй магический кирпич, понимающе уточнила Ева. — Что они значат? Все эти слова и символы? Как переводятся?

— За такое короткое время ты всё равно не разберёшься. — Поразмыслив, некромант неохотно проехался до соседнего шкафа. — Если тебе интересно, можешь прочесть это. Но лучше просто заучи формулы наизусть.

Два других талмуда Ева перехватила уже с трудом.

— Как я люблю учителей, которые вместо объяснений предлагают почитать учебник и заняться зубрёжкой, — кое-как сложив книги в оттянувшую руки стопку, заметила она с не особо скрываемым сарказмом. — Лучшие учителя в мире.

Не утруждая себя спуском, Герберт спрыгнул вниз, легко приземлившись на каменный пол и тут же выпрямившись; кажется, у самой земли некромант слегка притормозил, словно его встретила воздушная подушка.

— Будь в своей комнате. Урок с Эльеном через час. Он сам к тебе придёт.

INFURIANTO

Скрепя небьющееся сердце Ева безмолвно выполнила приказ: до намеченного бунта она решила вести себя паинькой.

Две дарованные некромантом книги оказались чем-то вроде словарей, озаглавленных «Ансиентские руны» и «Язык Изнанки». Страницы первой исписали рунными иероглифами с переводом их значения на керфианском. Страницы второй — словами на неведомом Еве языке. Слова были самыми простыми, всегда односложными: «Пламя», «Тишина», «Свет», «Сон», «Падение» et cetera. Ни предисловий, ни пояснений не прилагалось.

Примеры в книгах заклинаний подтвердили, что на языке Изнанки творили заклятия, которые подкрепляли цепочкой рун. Цепочку требовалось выписывать в воздухе то ли пальцами, то ли смычком, и пока Ева не совсем представляла, как при таком раскладе маги вообще выживали — проткнуть тебя мечом или подстрелить, пока ты вырисовываешь витиеватые вензеля, было проще простого. То ли дело смычок, который будто сам знал, что надо делать. За минувшую тренировку Ева не раз замечала, что волшебное оружие тянет руку в нужном направлении: им следовало не столько управлять, сколько не мешать ему управлять тобой.

С другой стороны, Герберт призвал магический щит почти мгновенно. А человек, впервые взявший в руки виолончель, тоже вряд ли поймёт, как можно сыграть на ней «Танец эльфов» Попера...

Тяжело вздохнув, Ева достала нотную тетрадку и карандаш.

От одного слова «формулы» ей делалось тоскливо. Физику и математику она ненавидела со школы. Вернее, не ненавидела, просто считала невероятно скучными. С другой стороны, это ведь настоящая боевая магия. И если она поможет в один прекрасный

ГЛАВА 3

момент *приструнить* одного венценосного сноба, который потенциально может оказаться ещё и серьёзным убийцей...

К моменту, когда в комнату постучал Эльен (Ева отметила деликатность призрака, который наверняка мог просто проплыть сквозь дверь), она худо-бедно расшифровала две заданные последовательности и старательно их заучивала. Заклятие — выписав возникшую в голове транскрипцию на манер стиха. Рунную формулу — расположив на нотных строчках извращённой формой музыкальной нотации и повторяя снова и снова, как пропись. Первую руну карандашом на бумаге Ева вырисовывала с большой опаской, но та не возымела никакой силы.

— *Тэкми франаллэ хелл хёлден*, — расхаживая взад-вперёд по спальне, нараспев повторяла она, словно заучивая номер по сольфеджио. — Свет, воздух, помощь, щит-ит... Войдите!

— Как вы прилежны! — с привычной восторженностью воскликнул призрак, из приличия даже открыв дверь. — Господин не мог заполучить более старательную ученицу.

Ева промолчала. Тоскливо посмотрела в окно, за которым облезлый осенний сад ярусами спускался к мощным крепостным стенам.

Вид из окна открывался воистину потрясающий. Также этот вид открывал, что обитель некроманта располагалась на вершине невысокой горы посреди леса и ее обвивала серебряная ленточка узкой реки. Подобраться к замку можно было либо по единственному мосту, перекинутому над рекой, либо по крутому склону лесистой горы, где в конце концов тебя встречали отвесные каменные стены и высокие башни.

Пробраться в это место было очень непросто. Сбежать, как Ева подозревала, тоже.

INFURIANTO

— Эльен, — бросив тетрадь на кровать, решила спросить она, — с чего ваш господин вообще взял, что я — дева из пророчества? Там было сказано, когда я приду, но не было сказано, где я появляюсь. Даже дату указали весьма расплывчатую.

— Нисколько, — спокойно сказал Эльен. Прикрыв дверь, прошёл к постели; жестом предложив ей сесть, опустился рядом — покрывало под ним ожидаемо не промялось. — Год двух лун случается раз в столетие. Сейчас — именно он. День, предшествующий смерти осени, — последний день осени, как легко догадаться. Сегодня наступил первый день зимы. Пусть отсутствие снега вас не смущает, он выпал пару недель назад, но весь растаял. Думаю, вскоре выпадет снова, чтобы остаться с нами до весны.

— Но у меня нет волшебного клинка. Только смычок... не очень полезный, судя по всему.

— О, так ваш Дар — музыкальная магия? И вы зовете его «не очень полезным»? — Призрак качнул головой почти возмущённо. — Я понимаю, отчего господин мог счесть так, но поверьте, лиоретта: музыкальный дар на этом континенте почти не встретить, а способен он на многое. Клинком можно защититься или убить. Музыкой — исцелить, подчинить, сотворить иллюзию, управлять пространством, внушить свою волю, подселить фальшивые воспоминания и стереть настоящие... Кажется, где-то в библиотеке была нужная книга. Лиэр Кейлус дарил господину Рейолю, когда они ещё общались. Позже принесу её вам. — Рассеянный взгляд устремился куда-то мимо её плеча: то ли Эльен пытался вспомнить нужную полку, то ли окунулся в очень далёкие и не слишком приятные воспоминания. — Конечно, дабы овладеть всем этим в совершенстве, необходимы немалый самоконтроль, должный уровень одарённости и время, но...

ГЛАВА 3

— А вдруг вчера где-то вывалилась ещё одна девушка и она-то вам и нужна? И... как королева вообще знала, где меня найти?

— Прорехи — таинственная и плохо изученная область магии, и ваш покорный слуга слишком несведущ в ней, чтобы дать точный ответ. Известно, что они появляются там, где истончаются грани между мирами. Некоторые полагают, что людей из вашего мира затягивает к нам с некоей целью — не раз и не два случалось, что иномиряне меняли судьбы целых королевств. Те из них, что не умирали прежде, чем добирались до королевского двора, — добавил призрак. — И, поверьте, прореха всегда открывается лишь одна. Вторая не может возникнуть в тот же день. А самые могущественные и сведущие колдуны, ориентируясь на возмущения магического поля, способны производить вычисления, кои указывают им время и место открытия следующей прорехи.

— Так королева — могущественная колдунья?

— Наверное, самая могущественная в Керфи. Колдунья, но не некромант, — уточнил Эльен.

Удручённо грызя карандаш, Ева добавила к портрету своей убийцы немаловажный штришок, что делало потенциальное сражение с королевой ещё менее приятной перспективой.

Спрашивать, можно ли не только провалиться в прореху, но и вернуться обратно, она не стала. Во-первых, потому что до воскрешения говорить об этом нечего, во-вторых, потому что больше всего на свете она боялась услышать «нет». Лучше уж думать, что всё возможно: просто с проблемами нужно разбираться по мере поступления.

— Откуда вообще взялось это пророчество?

— Из Книги Лоурэн. — Зеленоватые глаза призрака воодушевлённо заблестели. — Это предсказательница... Служила придворным астрономом в Ай-

дене, столице Керфи, чуть больше трёх веков назад. Помимо четырёх сборников стихов и шести поэм, послуживших её литературным наследием, Лоурэн вела дневник, куда за свою жизнь успела записать восемьсот шестьдесят три предсказания. Ещё пару она изрекла посмертно, выйдя на связь с некромантами, но не суть важно. Пророчества эти всегда сбывались. Быть упомянутым в них — великая честь. — Эльен мечтательно воззрится куда-то в окно. — Маги озаглавили дневник «Книгой Лоурэн». Она традиционно хранится в королевской сокровищнице, ибо пророчества — великая тайна, ведомая лишь самой верхушке власти. Видимо, господин как-то получил к нему доступ... Хотя, учитывая, что ему предстоит наследовать престол, немудрено.

— Судя по тому, что народ ждёт спасительницу с огненным мечом, не только он.

— Возможно, кто-то из политических оппонентов Её Величества постарался. Достаточно пустить слух, и он разойдётся очень быстро... Впрочем, довольно лирики. Уверен, вам не терпится приступить к обучению.

Ева не решилась разочаровывать того единственного, к кому в этом мире испытывала искреннюю симпатию, и урок начался.

Ей сжато поведали историю Керфи, прояснив его роль на мировой политической арене. Изложили нормы поведения в тех или иных слоях общества. Научили исполнять весьма сносные реверансы различной степени раболепства. У Эльена, в отличие от его господина, задатки преподавателя явно были в крови — обучение проходило в непринуждённой разговорной форме, с шутками и неизменными словесными поощрениями после успеха (и даже после неудачи).

Как выяснилось, давным-давно Керфи завоевал император воинственной страны Ильден, распо-

ГЛАВА 3

ложенной на соседнем континенте. Керфи вошло в состав Великой Ильденской Империи и пробыло в ней двести лет, пока великому некроманту по имени Берндетт не удалось сплотить народ и сбросить пяту захватчиков. Вскоре Ильденская Империя и вовсе развалилась, и ныне Ильден – скромная маленькая страна, тогда как Керфи – процветающее и просвещённое государство, сила, с которой считаются... и которой опасаются. Внешняя политика королевы Айрес была довольно агрессивной, внутренняя – попахивала террором. За последние годы королева провела множество экономических и военных реформ, и всё указывало на то, что страну готовят к войне. Видимо, завоевательной.

Урок прервало появление Герберта: тот всё же соизволил постучаться, но вступил в комнату миг спустя, не дожидаясь ответа. Бесцеремонно выставив Эльена за дверь, он принялся учить Еву чертить руны – один раз демонстрировал, как надо, после чего требовал повторить.

Руны действительно рисовались в воздухе кончиками пальцев. Левой рукой: в правой надлежало держать смычок. Сама по себе рунная цепочка не имела силы – лишь подкреплённая заклятием, которое требовалось выговорить вслух. Таким образом Ева могла тренироваться, не опасаясь что-нибудь взорвать. Но поскольку некромант возжелал, чтобы она тренировалась при нём, и висел над душой, пока Ева не выдала обе цепочки без ошибок и в удовлетворительном темпе... А Ева нет-нет да и вспоминала про его невидимую свиту...

В общем, когда Герберт милостиво оставил её в покое, девушка поняла, что за сегодняшний день ролью Избранной сыта по горло, и теперь шагала по ровной брусчатке, озаряя путь смычком.

INFURIANTO

Скелеты облетелых деревьев тянули к госте тощие ветви. Сквозь тёмный сад дорога круто спускалась к мосту через реку, каменным замковым стенам и воротам — они, естественно, оказались заперты, как и врезанная в одну из створок небольшая дверь. Прежде чем схватиться за тяжёлый засов, Ева осторожно коснулась его смычком, но никакими подозрительными чарами тот не отбросило.

Она уже тянула к засову руку, когда услышала голос: «*Ко мне*».

Приказ Герберта раздался прямо в голове, звеня колокольчиком из бархатистого льда.

Ноги тут же развернулись, чтобы нести свою владелицу обратно в замок. Все попытки противиться оказались тщетными — тело обернулось шарнирной куклой, которую кто-то волок за ниточку.

Перед глазами в обратном порядке проплыл только что проделанный путь: дорога через сад, каменная арка, внутренний двор с колодцем, двустворчатые двери в замок, лестница, по которой Ева совсем недавно спускалась. В конце концов ноги внесли её в библиотеку и приблизили к столу неподалёку от алтаря. Герберт сидел там: в удобном мягком кресле, закинув ноги на стол, с книгой в руках, закрывавшей его лицо.

Опустил её, лишь когда Ева беспомощно замерла напротив.

— И куда это мы собрались?

Его глаза походили на голубые льдинки, как никогда раньше.

Колдовские ниточки, проникшие под кожу и распоряжавшиеся телом вместо неё, стали ослабевать — и Ева широко улыбнулась:

— Прогуляться.

В её улыбке не было ни раздражения, ни злости. Она не рассчитывала на успех: за годы обучения

ГЛАВА 3

привыкла, что на пути к одной-единственной удаче нужно перешагнуть через сотни неудач. Изю дня в день, часами, плавно переходящими в сутки, отрабатывать один и тот же недающийся пассаж, чтобы однажды, порой за минуты до выступления, он всё же тебе дался — занятие не для тех, кто не готов к неудачам.

Чтобы в один прекрасный день побег увенчался успехом, она обязана была предпринять провальную попытку. Показавшую многое.

— Ты всерьёз считаешь, что избежнешь предназначения, если сбежишь? — спросил некромант пренебрежительно. — Что сможешь обойтись без меня?

— Попытаться стоило.

Судя по лицу Герберта, цитату из себя любимого тот вспомнил.

— Любишь эксперименты, я вижу. Ну-ну. — Он вскинул книгу, закрыв скучающую гримасу, скривившую его губы. — Иди в свою комнату. В наказание не выйдешь оттуда, пока я не скажу. Это приказ.

Прежде чем ноги понесли её прочь из библиотеки, Ева всё же успела отвесить некроманту поклон. Со всей иронией, какую можно было выразить в одном изящном, годами натренированном движении.

В ответ её проводили долгим пристальным взглядом поверх потрёпанного книжного корешка.

Ничего, думала Ева, возвращаясь в спальню — по приказу, полностью согласовававшемуся с её намерениями. *Ещё посмотрим, кто кого.*

Эльен тоже сдержал слово: на кровати ждал не большой томик в лаконичной чёрной коже с дарственной надписью «*Эдрилину от Кейлуса в доказательство, что мои слова о величии музыки имеют под собой основание*». Почерк подписи был тонким, витиеватым, колючим — и после первых же страниц Ева прони-

INFURIANTO

клась к его обладателю сердечной благодарностью. Судя по гладкости и девственной чистоте плотной бумаги, книгу так ни разу и не открыли, и к лучшему: если некромант не знал того, что теперь стремительно узнавала Ева, это было ей только на руку.

Хотя магические экзерсисы и прочие события минувшего дня здорово её утомили, спать девушке по-прежнему не хотелось, а бесполезному бодрствованию она предпочитала полезное.

К моменту, как за окном посветлело, а голос Герберта велел ей спускаться в тренировочный зал, у Евы появилось вполне ясное представление, на что *действительно* способен её Дар, и смутное — как сопротивляться приказам некроманта. Впрочем, проверку всех её бредовых идей пришлось отложить. Пока же Ева отправилась на новый урок, радуясь, что в нынешнем состоянии после бессонной ночи ей не грозит вырубиться на парте или смотреть на учителя мутными красными глазами человека, способного думать лишь о двенадцатичасовом свидании с подушкой.

Тренировка была долгой, упорной и, надо признать, плодотворной. После тридцати-сорока попыток смычок наконец перестал капризничать, когда Ева его призывала. Вернее, Ева наконец поймала нужное ментальное состояние, поверив, что смычок не возникает из ниоткуда и не исчезает в никуда — он часть её самой, и достать его так же просто, как если б он был привязан к её пальцам. Требовалась лишь капелька концентрации, чтобы ощутить его в ладони за миг до того, как он действительно появится. Затем некромант велел воплотить на практике те заклинания, что вчера Ева заучила в теории. Получилось не с первого раза: одновременно проговаривать заклятие и выплетать пальцами руны — задача не для дилетантов. Но потом Еву осенило, что

ГЛАВА 3

это как двухголосные номера по сольфеджио — петь одну мелодию, играя на фортепиано другую...

Хотя скорость оставляла желать лучшего, а десяток неудачных попыток стоил и без того потрёпанному зальчику ещё пары подпалин на потолке и трещин на стенах, выкрашенных в весенние тона, Ева всё же сотворила оба заклинания (координация и натренированные пальцы музыканта помогли). Мерцающий пузырь щита успешно отразил заклятия Герберта, бессильно танцевавшие в воздухе разноцветными искрами, и удержал тени, которые очень старались прорваться внутрь. Усыпляющие чары отлично сочетались со смычком: обезвредив врага магическими путами, можно было без труда его вырубить. Призрачные оппоненты под действием заклятия не засыпали, а развоплощались, но сути упражнения это не меняло.

Закончили они, когда в саду уже смеркалось. Еву снова повели в библиотеку, дабы выдать пару новых книжек; карабкаясь по лестнице к верхним полкам, Герберт застыл на полпути, вглядываясь в окно.

Пакостно усмехнувшись чему-то, продолжил восхождение.

Последней ступеньки он достиг одновременно с тем, как в библиотеку прямо сквозь пол влетел Эльен.

— Лиоретта, — не замедлил учтиво поклониться он. Тут же повернулся к Герберту. — Господин, у нас...

— Проникновение. Я заметил. — Безразличным взмахом руки он отправил лестницу в стремительную поездку вдоль шкафов. — Охранный контур замкнут на мне, если ты забыл.

— Кто-то пробрался в замок? — спросила Ева, пока некромант скользил мимо книжных полок.

— Полагаю, очередной наёмный убийца.

